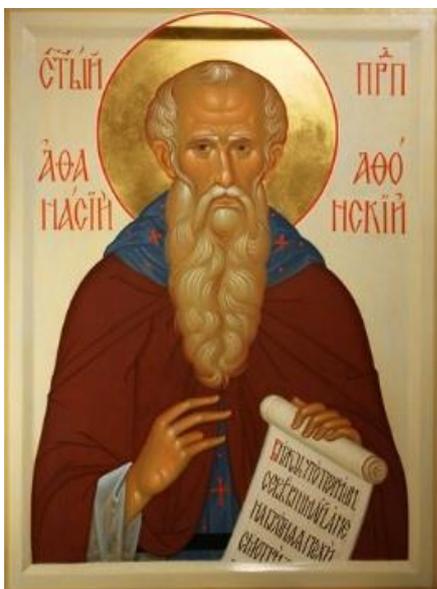

Память 18 июля (ст. стиль 05 июля)

Житие преподобного отца нашего Афанасия Афонского

Преподобного Афанасия¹, достойного бессмертных похвал к смертной человеческой жизни произвел город Трапезунт². В обучении книгам его возрастила Византия (Константинополь³), а обитель Кименская⁴ и гора Афонская⁵ принесли его как плод, угодный Богу. Родители Афанасия были люди благородные и благочестивые. Его отец происходил из Антиохии⁶, а мать из Колхиды⁷. Проживали же они в Трапезунде. Отец Афанасия умер еще до появления последнего на свет, а мать, родивши Афанасия и возродивши его святым крещением, отошла к Богу вслед за мужем. Отроку во святом крещении дано было имя Аврамия. Ребенка, уже в пеленах, по смерти родителей, оставшегося круглою сиротою, взяла на воспитание одна благородная черноризица. Еще в отроческом возрасте Аврамия проявлялись признаки, предрекавшие на образ его жизни в будущем, когда он станет совершеннолетним.

Малым ребенком он вел себя наподобие разумного и добронравного мужа, так что даже когда у него происходили со сверстниками детские игры, то последние не назначали Аврамия царем или воеводой, но – игуменом. И действительно, уже с детства он привыкал к иноческой жизни; видя воспитывавшую его черноризицу, непрестанно пребывающую в молитвах и посте, и он насколько возможно для отрока, старался подражать ей, постясь и совершая молитвы. Больше своих сверстников преуспевал он и проходя начальную по тому времени школу. Так возрастая телом и разумом, Авраамий вышел из отроческого возраста. – В то время скончалась черноризица, заменявшая ему мать. Вторично осиротевший отрок Авраамий оплакал ее кончину, как кончину действительной матери своей. Затем он пожелал побывать в Византии для приобретения дальнейшего образования. Бог, заботящийся о сиротах, следующим образом привел в исполнение его желание. В то время в Греции царствовал благочестивый император Роман⁸. Им был послан в Трапезунд для собирания торговых податей один из дворцовых евнухов⁹. Последний, познакомившись с благовидным и разумным отроком Авраамием, взял его с собою в Византию и здесь поручил одному выдающемуся учителю, по имени Афанасию, заботу о его философском образовании. Ученик в скором времени по познаниям сравнялся с учителем. В те годы в Византии проживал один воевода по имени Зефиназер, который сосватал родственницу Аврамия своему сыну; познакомившись с Авраамием, он взял его в свой дом. Юноша Авраамий, хотя и пребывал в богатом доме, изобилующем изысканными яствами, тем не менее не оставлял постнического воздержания, к которому привык у воспитавшей его черноризицы. Избегая удовольствия от брашен, Авраамий не соглашался есть за трапезою воеводы, но удовлетворял свой голод, – и то по необходимости, – невареным зелием и овощами. Он всегда старался быть бодрым; поэтому, желая победить естественный сон и уничтожить дремоту, он наполнял лохань водою, в которую и погружал свое лицо; всячески изнуряя себя, Авраамий умерщвлял свою плоть и поработал ее духу. За такую добродетельную жизнь, а также и за выдающийся разум, Авраамий был любим всеми и стал известен людям и даже самому императору. Последним Авраамий назначен был учителем в государственном училище на одинаковых правах с бывшим наставником его Афанасием. А так как учение Авраамия больше нравилось, чем Афанасия, отчего к нему собиралось

больше учеников, чем к Афанасию, то последний, завидуя своему прежнему ученику, начал ненавидеть его. Узнавши о сем, блаженный Авраамий в скором времени оставил учительскую должность, не желая опечаливать своего учителя; он проживал в доме вышеозначенного воеводы, предаваясь своим обычным подвигам. После сего от императора последовал воеводе приказ – отправиться, по требованиям государственной необходимости, в Эгейское¹⁰ море. Воевода, сильно любивший Арамия, взял и его с собой, когда удалился в плавание по приказанию царя. Они доплыли до Авида, а отсюда достигли Лименя. Здесь Авраамий, заметивши Афонскую гору, весьма любил ее и помышлял о том, чтобы поселиться на ней. Когда они, исполнив поручение императора, вернулись домой, то, по Божественному усмотрению, в Константинополь из находящегося близ Афона Кименского монастыря прибыл преподобный Михаил по прозванию Малеин¹¹. Когда Авраамий, слышавший о богоугодной жизни преподобного отца, узнал об этом, то чрезвычайно обрадовался и отправился к нему. Он получил высокое наслаждение от беседы со старцем; и после его боговдохновенных наставлений Авраамия охватило еще более горячее желание отвергнуться мира, чтобы служить Богу в иноческом чине. Он открыл свое намерение и желание преподобному Михаилу, сообщив при этом о себе, – откуда он, кто его родители, какое он получил воспитание, и почему он проживает в доме военачальника. Прозирая, что Авраамий явится сосудом Святого Духа, преподобный весьма любил его и долго поучал о спасении, сея в его сердце, как на удобренной почве, семена словес Божиих, дабы он принес сторичный плод добродетелей. В то время, как они вели духовную беседу, пришел навестить преподобного Михаила его племянник Никифор, военачальник Востока, который впоследствии был греческим императором¹². Во время беседы со своим преподобным дядей, он заметил юношу Авраамия и спросил о нем старца, кто он такой. Святой сообщил ему всё касающееся Авраамия, а равно и о том, что последний желает быть иноком; с этого времени Авраамий стал известен Никифору. Спустя несколько дней преподобный Михаил возвратился из Константинополя в свою обитель; Авраамий же был не в состоянии пребывать более среди житейской суеты, но презирая всё мирское, увлекаемый стремлением к иночеству и любовью к преподобному, поспешно отправился к нему. Дойдя до Кименской обители, он упал в ноги святому старцу Михаилу, со слезами умоляя облечь его в иноческий образ и тем присоединить к избранному стаду словесных овец Христовых. Преподобный Михаил приветливо встретил Авраамия: не откладывая исполнение его просьбы и не посылая его в разряд испытуемых, преподобный Михаил немедленно постриг Авраамия с именем Афанасия, как уже опытного подвижника, ибо он замечал в нем горячую любовь к Богу. Хотя в той обители и не существовало обычая одеваться инокам после пострижения во власяницу, блаженный Михаил облек, однако, ею Афанасия, – как бы вооружая доблестного воина Христова в броню против супостатов; Афанасий умолял святого старца положить на него послушание – во всю неделю вкушать пищу только однажды. Но премудрый наставник отсекая волю своего ученика, приказал ему принимать пищу на третий день. Афанасий с усердием проходил все назначавшиеся ему монастырские и церковные послушания, пребывая неутомимым и в иноческих подвигах. Свободное же от монастырских работ время, он посвящал, по приказанию своего духовного отца, на переписку священных книг. За такое трудолюбие Афанасия любили вся братия; так, в течении четырех лет он показал себя совершенным в иноческой жизни. – Затем преподобный отец повелел ему проводить жизнь в безмолвии, в келлии, находившейся в пустыне и отстоявшей от обители на одно поприще¹³; при сем старец дал ему следующую заповедь относительно поста: не на третий день вкушать пищу, как доселе он имел обыкновение, – но на второй, – есть сухой хлеб и пить немного воды; во все же Господские и Богородичные праздники и в дни воскресные он повелел ему, начиная с вечера и до третьего часа дня, пребывать без сна в молитвах и славословии Божиим.

По прошествии некоторого времени вышеупомянутый военачальник Востока Никифор – племянник преподобного Михаила, исполняя царскую службу и проходя мимо обители,

зашел к своему преподобному дяде Михаилу; во время беседы с ним он вспомнил об Авраамии и спросил:

– Отче, где находится отрок Авраамий, которого я видел у тебя в царствующем граде?

– Он молит Бога о спасении вашем, – отвечал старец. – В настоящее время он уже монах и переименован из Авраамия Афанасием.

Случилось, что с Никифором находился брат его – патриций¹⁴ Лев. Они оба, выслушавши о добродетельной жизни Афанасия, просили позволения увидеться с ним, и так как старец не противился этому, то они отправились к месту Афанасиева безмолвия. Встретивши их, Афанасий вел с ними беседы, исполненные духовной премудрости, ибо уста его были насыщены благодатию Духа Святого. Они так усладились его речами, что выразили желание навсегда остаться с ним, если бы только им было возможно освободиться от своих должностей и мирских забот. Возвратившись за тем к преподобному Михаилу, они сказали ему:

– Благодарим тебя, отче, за то, что ты показал нам сокровище, которое ты имеешь утаенным на поле твоей паствы.

Между тем старец, призвавши Афанасия, приказал ему снова предложить пришедшим учительное слово о спасении души. И устами святого действовала благодать Господня так, что слушающие речи его умилялись, сокрушались сердцем и плакали. Да и сам старец изумлялся благодати поучения, исходящей из уст Афанасиевых. С этого времени военачальник Никифор и патриций Лев весьма полюбили блаженного Афанасия. И, уединившись с ним, Никифор открыл ему свое намерение, говоря:

– Отче, я желаю устраниться от мирской бури и, избегнувши житейских забот, служить Богу в иноческом безмолвии. Это желание и намерение окрепли у меня главным образом под влиянием твоих боговдохновенных речей, и я питаю надежду с помощью твоих святых молитв получить желаемое. Блаженный Афанасий отвечал ему на это:

– Господин! На Бога возложи твою надежду – и Он устроит относительно тебя, как желаешь.

Таким образом после продолжительных бесед Никифор и Лев с большою пользою для своих душ возвратились в свой путь.

Преподобный Михаил имел намерение поставить Афанасия после себя игуменом, ибо сам он уже состарился и приближался к кончине. Узнавши об этом, Афанасий, хотя и не желал расстаться с любезным отцом своим, тем не менее убежал оттуда, боясь бремени начальствования и считая себя недостойным пастырского сана; он странствовал по Афонской горе, посещая пустынных отцов, и примером их добродетельной жизни возбуждался к высшим подвигам. Найдя в расселинах скал несколько братий, проживающих неподалеку друг от друга, он поселился среди них и стал подражать их суровому образу жизни. У них не было никакой заботы о теле, не было ни крова, ни пищи, ни имущества, но ради Бога они охотно и с радостью переносили и мороз, и жар, и голод. Последний они удовлетворяли дикими овощами, произраставшими в той пустыне, и то немного вкушая их в положенный час. В то время скончался преподобный Михаил Малеин. Узнавши о его кончине, Афанасий плакал о нем как сын об отце. Он узнал также и о том, что военачальник Никифор с братом патрицием Львом снова должны будут проходить мимо того места, и побоялся, чтобы они опять не стали разыскивать его. Поэтому он покинул пустынников, ибо они были известны прочей братии и их часто посещали; опасаясь, что его узнают приходящие к ним, Афанасий отправился в дальнюю обитель, прозывавшуюся по-гречески: "Тузига". Найдя здесь некоего старца, в безмолвии жительствующего вне обители, он просил последнего принять его, а дабы не быть опознанным по имени, он переименовал себя вместо Афанасия – Варнавою.

Между тем старец расспрашивал его, говоря:

– Кто ты, брат, откуда и по какой причине пришел сюда?

– Я был корабельщик, отвечал Афанасий, – и, попавши в беду, дал обещание Богу отвергнуться мира и сокрушаться о грехах моих. По этой причине я облекся во святой

иноческий образ и, наставляемый Богом, пришел сюда к твоей святости, желая пребывать с тобою и получать от тебя руководство на пути спасения. Имя же мое Варнава.

Поверивши рассказу Афанасия, старец принял его, и остальное время Варнава проживал со старцем, во всем повинуюсь ему как отцу. По прошествии же некоторого времени, он сказал старцу:

– Отче, начни обучать меня грамоте, чтобы я мог хотя немного уметь читать псалтирь. Когда я жил в миру, я ничего другого не знал кроме плавания на корабле.

Блаженный Афанасий затем притворялся неграмотным, чтобы не быть узанным и опознанным теми, кто стал бы искать его. Тогда старец написал для него азбуку и учил его, как никогда не учившегося простеца. Варнава между тем притворялся, будто не может понять и уразуметь азбуки. Так он поступал в течение долгого времени, а старец печалился за него, а иногда разобидевшись, с гневом прогонял его от себя. Названный же Варнава смиренно говорил:

– Отче, не отгоняй меня неразумного и дурного, но Бога ради потерпи и помоги мне твоими молитвами, да подаст мне Господь разумение.

После сего ученик как бы понемногу стал уразумевать письменные слоги и вселял надежду в старце относительно усвоения учеником в будущем книжного знания. В то время знаменитейший восточный военачальник Никифор, узнавши, что Афанасий убежал из Кименского монастыря, был весьма опечален и размышлял, как бы найти его. Он писал к судье Солунскому¹⁵, чтобы тот, дойдя до Афонской горы, точно разузнал об Афанасии. Прочитавши письмо, судья немедленно с поспешностью отправился во святую гору и, призвавши прота, начальника над всеми игуменами Афонских монастырей, расспрашивал его об иноке Афанасии, описывая ему признаки его лица и возраста и книжное искусство, как сообщил ему Никифор. Прот с уверенностью утверждал:

– Такой муж, какого вы ищете, не приходил на сию гору, а впрочем, – добавил он, – точно сего я не знаю. В скором времени у нас соберется собор, на котором должны присутствовать проживающие на сей горе. И вот, если отыскиваемый вами инок находится где-нибудь на этой горе, то он, конечно, явится в числе других на собор, и с то время мы узнаем его.

Судья вернулся в Солунь.

Тогда на Афоне существовал обычай, чтобы братия трижды в год собиралась в так называемый Карийской Лавре в три нарочитых праздника: Рождества Христова, Пасхи и Успения Пресвятой Богородицы. Собираясь в сие время, иноки праздновали вместе, причащаясь божественных Таин Тела и Крови Христовых и вкушая общую трапезу. Когда наступил праздник Рождества Христова и собрались из монастырей и пустынножительных келлий отцы и братия, то явился и тот старец – учитель назвавшегося Варнавою с своим учеником. Прот пристально всматривался в братию, отыскивая в числе ее такого инока, который бы подходил к признакам, описанным Никифором. Заметивши такого, он спросил его имя и так как услышал, что его зовут Варнавою, то усомнился, – отыскиваемому иноку было имя Афанасий. Но впрочем прот решил определить личность инока по его книжному искусству. И вот, когда наступило время чтению и была предложена книга, прот приказал именовавшемуся Варнавою иноку прочесть пред собором установленное чтение. Но Варнава отказывался, утверждая, что он несведущий и неграмотный. Старец же его, замечая это, улыбнулся и, тихо засмеявшись, сказал приказывающему:

– Авво¹⁶, оставь, – брат неумелый и настоящее время он учится лишь соединять буквы и слоги первого псалма.

Но прот настаивал на своем, приказывая читать под угрозой. Тогда блаженный Афанасий, замечая, что не может далее скрываться, к тому же и вынуждаемый угрозой, повиновался власти, установленной Богом, и стал читать как умел, – обнаруживая звучный голос и необычную выразительность, так что все слушавшие удивлялись. Удивился, а вместе ужаснулся и старец, замечая и слыша то, чего он не ожидал и стыдился за свое учительство, но вместе с тем и радовался, воздавая с слезами благодарность Богу за то, что

сподобился быть учителем столь учительного мужа. Тогда Афанасий был узан, и все относились к нему с уважением, а один из почтеннейших отцов, по имени Павел, из Ксиропотамской области, пророчески говорил братии об Афанасии:

– Сей, после нас пришедший на сию гору брат, упредил нас в добродетели и будет по славе первейшим нас в царстве небесном. Он будет для многих отцом и наставником на пути спасения.

Прот после сего сообщил Афанасию, что его ищут Никифор с братом своим Львом. Афанасий умолял прота не сообщать о нем, дабы ему не лишиться святой горы. Тогда и прот, понявши, что потерять такого мужа будет лишением для Афона, обещался не открывать его отыскивавшим. Афанасию же он приказал безмолвствовать в уединении в пустынной келлии, отстоящей от лавры¹⁷ на три поприща. Здесь, трудясь для Бога наедине, преподобный Афанасий имел пропитание от рук своих. Он переписывал книги, так как был каллиграф и скорописец, и течение шести дней, не оставляя при том обычного монашеского правила, переписывал всю псалтирь; за переписку книг отцы снабжали его хлебом.

Когда преподобный Афанасий проживал в безмолвии, в то время вышеупомянутый Лев, брат Никифора, бывший уже военачальником на Западе, возвращаясь с войны после победы над дикими скифами, одержанной с помощью Божией и Пречистой Богоматери, зашел на Афонскую гору воздать благодарение за победу над врагами Христу Богу и Его Пречистой Матери. После благодарственного моления, Лев прилежно расспрашивал об Афанасии и, узнавши об его местопребывании, отправился к нему в безмолвную келлию. Увидавши Афанасия, Лев сильно обрадовался, приветливо обнимая его, и от радости даже плакал. Он день и ночь проводил в беседах с Афанасием, наслаждаясь его богомудрыми речами. Замечая сильную любовь военачальника к Афанасию, иноки просили последнего, чтобы он попросил Льва устроить для иноков в Карейской Лавре новую обширную церковь, так как старая была мала и не могла вместить всей братии. Афанасий сообщил об этом военачальнику. Христоролюбивый воевода немедленно с радостью дал им множество серебра и золота на постройку церкви. Простившись затем с Афанасием и прочими отцами, Лев пошел своим путем к Константинополю, где и сообщил об Афанасии брату своему Никифору. С этого времени Афонские отцы стали относиться с особенным уважением к Афанасию, восхваляя его; многие стали приходить к нему и для душевной пользы.

Между тем преподобный, любя безмолвие и отовсюду избегая человеческой славы, удалился из места своего поселения и обходил внутренние места горной пустыни; наставляемый Богом, он пришел на самый край Афона, в местность прозывавшуюся Мелана, имевшую обширнейшую пустыню и далеко отстоявшую от остальных жилищ постников. Устроивши на одном холме, с площадкой на верху, шалаш, Афанасий начал здесь подвизаться, стремясь к высшим подвигам. Первоначально коварный враг диавол, желая изгнать преподобного, делать это новое место поселения для него ненавистным, возбуждая в нем настойчивую, с трудом побораемую, мысль удалиться. Но добрый подвижник побеждал свои сомнения таким размышлением:

– Перетерплю здесь весь этот год, а по окончании года поступлю так, как Бог устроит.

Когда же прошло означенное время, то в последний день года подвижником с особенною силою овладели помыслы, влекущие его оттуда, так что он сам себе сказал:

– Утром уйду и возвращусь в Карейскую Лавру.

Затем он встал на молитву, совершая пение третьего часа, и внезапно появившийся свет небесный облистал его, и облако помышлений тотчас рассеялось. С чувством несказанного веселия и восторга святой изливал от переполненного божественной любовью сердца радостные слезы. С того времени преподобный Афанасий получил дар умиления и плакал, когда желал. Место же то он настолько возлюбил, насколько раньше оно было ненавистно для него, и он жил в нем, прославляя Бога. В это время военачальник Никифор был отправлен императором с войском на остров Крит¹⁸, которым завладели тогда мусульмане. Не надеясь на силу греческого войска, но ища молитвенной помощи у святых отцов, Никифор послал одного из доверенных ему лиц на корабле на Афон, написавши ко всему

собору афонских отцов просьбу о молитве их к Богу, чтобы подана была ему свыше помощь против мусульман. Он просил еще прислать к нему Афанасия, который, как он слышал от брата своего Льва, проживает на Афоне. Прочитавши письмо военачальника, афонские отцы совершали неленостные молитвы о нем, затем, отыскавши Афанасия в пустыне и призвавши его на собор, приказывали ему идти к военачальнику. Первоначально Афанасий совсем было не хотел идти и едва повиновался, будучи побуждаем угрозами старцев. Вместе с ним отправили и одного из уважаемых старцев, которого Афанасий почитал своим учителем, следуя за ним как ученик. Севши на корабль, они отплыли в Крит. Когда они явились к благочестивому военачальнику Никифору, то последний, лишь только увидел Афанасия, подбежал, бросился ему на шею, облобызал его и плакал от радости, почитая его как своего духовного отца. Заметивши же, что Афанасий относится к своему спутнику – старцу как ученик к учителю, Никифор удивлялся его смирению и, оставивши всё управление внешними делами, проводил время в духовной беседе с преподобным Афанасием. Он вспоминал при этом свое давнишнее обещание отречься от мира и сделаться иноком; и умолял преподобного первоначально устроить в той пустыне, в которой он сам проживает, келлии для молчальников. Никифор давал Афанасию серебра и золота на устройство этих келлий, но Афанасий, любя беспечальную и безмолвную жизнь, отказался от хлопот о келлиях, не принял серебра и золота, чем весьма опечалил военачальника. Пробывши вместе лишь несколько дне и насладившись взаимным лицезрением и дружелюбными беседами, они расстались. Афанасий возвратился на Афон, а военачальник отправился на войну и, по молитвам святых отцов, победил мусульман и снова присоединил Крит к Греции. Вскоре затем военачальник Никифор опять отправил на Афон одного из своих приближенных по имени Мефодия (который потом был игуменом Кименской обители) с золотом к преподобному Афанасию, на устройство келлий. Золота послано было литр¹⁹ шесть.

Блаженный Афанасий, увидавши теплую любовь к Богу Никифора и его доброе намерение и сознавши, что оно дело Божия изволения, принял золото и начал заботиться о стройке. Очистивши помянутое место, он прежде всего поставил келлии для безмолвия Никифору, устроил храм во имя святого Иоанна Предтечи, а потом у подножия горы воздвиг прекраснейшую церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Когда приступили к постройке церковей, то завистливый враг начал ей препятствовать: у созидавших церковь людей цепенели руки и делались совсем неподвижными, так что их нельзя было приблизить к устам. Уразумевши, что это дело бесов, преподобный горячо помолился Богу, отогнал козни лукавого и тем освободил от оцепенения руки рабочих. Таково было начало чудес великого отца. Окончив церковь в честь Пресвятой Богородицы, преподобный стал устраивать кругом нее келлии, – словом, созидать прекрасную обитель; он выстроил трапезу и больницу, странноприимный дом, затем для больных и странников баню, мудро устроивши и все прочие необходимые для обители здания; затем он собрал множество братии, дав ей в руководство строго общежительный устав, составленный по образу древнейших палестинских обителей; для вновь собранного словесного стада преподобный Афанасий явился игуменом, который бил угоден Богу и к которому благоволила Пресвята Богородица: ибо один из иноков видел Ее посещающей созданную преподобным обитель и церковь Свою; сподобившийся сего видения инок Матфей бил подвижник, безукоризненно проходивший путь иноческой жизни и потому имевший чистые и просвещенные сердечные очи. Стоя в церковном собрании с благоговейным вниманием и страхом на утреннем пении, он узрел Пресветлейшую Деву, вошедшую в церковь с двумя пресветлыми ангелами. Один из них шел впереди Ее со свечою, – а другой позади; Сама же Она, обходя братию, раздавала подарки. Братиям, поющим на клиросах, Она давала по одной золотой монете, а тем, которые стояли внутри церкви по прочим местам, давала по двенадцати цат, стоявшим же на паперти – по шести. Видевший сие Матфей и сам сподобился от Пречистых рук Ее принять шесть цат. После этого явления Матфей пришел к преподобному отцу и упрасивал его дат ему место в числе поющих, причем он рассказал святому, что он видел.

Уразумевши, что то было посещение Пречистой Девы Богородицы, преподобный отец исполнился великой духовной радости. Относительно же раздаяния братии золотых монет, он заключил, что это были даруемые Ею каждому по достоинству различные благословения: стоявшим во время пения с горячеею молитвой и вниманием давалось большее воздаяние, а которые менее внимали – те менее и получили. Зревший же то видение потому был сравнен в меньшими, чтобы, с одной стороны, будучи опечален лишением большего, рассказал о видении, а с другой для того, чтобы не возгордился равенством своим с достойнейшими, но в смиренномудрии пребывал с меньшими. Чрез это явление с очевидностью обнаружилось, – каково было благоволение Пречистой Девы Богородицы к преподобному Афанасию и его обители. Каково же было устройство обители преподобного, каков в ней был порядок, уставы и законоположения, о всём том подробно описано в отдельной книге его жития²⁰, – желающий пусть там и читает. Мы же, повествуя сокращенно, собираем особенные деяния (хотя они и все необыкновенны).

Преподобный Афанасий, услышавши, что военачальник Никифор по смерти царя Романа²¹ был поставлен царем в Греции за неоднократные победы над мусульманами, весьма опечалился, потому что в виду его обещания быть иноком, он принял на себя заботы об обители. (Да будет же известно, что это император Никифор прозывался также Фокою. Но это не тот Фока, который убил императора Маврикия и не тот Никифор, который воцарился после императрицы Ирины и был убит в войне с болгарами, но иной Никифор Фока – позднейший по годам;. Преподобный, скорбя о неисполнении Никифором обета, предполагал оставить всё и бежать. Приготовляясь к побегу, он сообщил братии, что желает идти к императору для устройства монастырских дел. Захвативши с собою некоторых из братии, он действительно отправился в путь и, дойдя до Авиды, оставил при себе троих братьев, а прочих возвратил в монастырь, говоря:

– Мне достаточно с сими троими уйти в Константинополь.

Когда они удалились, Афанасий написал письма к императору, напоминая ему о его обещаниях Богу и укоряя за суетное изменение прекраснейшего намерения и сообщая о своей скорби, – именно, что из-за него он возложил на себя столько забот. В конце письма он приписал следующее:

– Я не повинен пред Христом Господом в твоём обмане. Оставляю тебе новособранное Божие стадо; его ты вручи, кому желаешь. Я с своей стороны думаю, что быть начальником достоин Евфимий, – инок выдающийся по жизни и учительству.

Написавши так, Афанасий не сообщил своим ученикам о том, что написал, но запечатавши письмо, выбрал одного из троих братьев и вручив ему письмо, отправил его к императору. По прошествии же немногого времени, он отослал от себя в монастырь и другого ученика по имени Феодота, под предлогом навестить братию и поглядеть за порядком в монастыре. Сам он остался с одним учеником по имени Антонием; с ним Афанасий отправился в Кипр, где побывавши в некоторой обители, именованной обителью "Священных" упросил игумена дозволить им жить в ближайшей к тому монастырю пустыне. Получивши просимое, он стал жить в безмолвии для Бога, приобретая себе пищу трудами рук своих, именно переписывая, как и раньше, книги. Когда же тот брат, который был отправлен с письмом в Константинополь, передал последнее в руки императору, то император, взявши его, обрадовался. Но распечатавши и прочитавши письмо, он весьма сильно опечалился с одной стороны по причине своей неправды пред Богом, а с другой по тому, что преподобный Афанасий оставил обитель и неизвестно куда скрылся. И брат, узнавши о содержании письма, стал плакать и рыдать, что потерял отца своего. Император немедленно отписал в обитель, дабы начальствование над нею до времени принял Евфимий. Вместе с тем царь во все страны своих владений разослал приказ о розыске преподобного Афанасия. Это повеление императора достигло и острова Кипра и было близко к своему исполнению. Но преподобный, прознавши о том, немедленно, взявши ученика, удалился на морской берег и, встретивши здесь по Божественному усмотрению корабль, сел в него и при помощи попутного ветра скоро пристал к другому берегу.

Преподобный старец недоумевал, – в какую сторону ему обратиться. Он имел в виду направиться к святым местам в Иерусалим, но путь туда был неудобен по причине мусульманского нашествия. Не желал он уклоняться к сторонам Греции, по причине поисков его со стороны императора. Таким образом он не знал, куда держать ему путь. С наступлением ночи преподобный стал на молитву, испрашивая у Бога совета и наставления. И вот ему было Божественное откровение и повеление, чтобы он возвратился на Афон в свою обитель, потому что его трудами она имеет быть приведена к окончательному внешнему и внутреннему завершению, причем многие чрез его наставления спасутся. Получивши от Бога такое откровение, преподобный сообщил его Антонию, и они немедленно пустились в путь, по суше возвращаясь на прежнее место. От продолжительного многодневного пути у Антония заболели и отекли ноги. Они сильно горели, и он совсем не мог идти. Тогда преподобный, собравши немного растущей кругом травы и растерши ее в горсти, приложил к ногам ученика и, обложивши древесными листьями, перевязал своею головною повязкою, а затем взял больного за руку, поднял его, и Антоний немедленно воззвал:

– Слава Тебе, Христе Боже за то, что Ты облегчил мне болезнь!

Дальше он шел как и раньше, имея ноги здоровыми. Вышеупомянутый брат Феодот, которого преподобный отец отослал навестить братию, придя в обитель, застал в ней всех колеблющимися вследствие удаления отца и сокрушался об этом сердцем. Не перенося же потери своего отца, он отправился в Кипр, повсюду его отыскивая. Будучи в Атталии²², по Божественному усмотрению он встретил его на дороге; увидавши друг друга, они весьма обрадовались. Отец, услышавши о смутах среди братии в обители, изменил радость на печаль. Феодота он немедленно отпустил в Лавру, дабы он сообщил братьям о его приходе, а сам отправился для молитвы в монастырь, находившийся в Лампидии. Здесь увидавши одного брата, потерявшего рассудок и неистовствовавшего, Афанасий возложил на него руку и исцелил его. Поучивши здесь некоторое время, он отправился к Афону и достиг своей обители. Братия, когда увидали его, то подумали, что видят солнце и от радости восклицали:

– Слава Тебе Боже!

Все, подходя, целовали кто руки, кто ноги, кто рубище его. После сего преподобный по прежнему снова стал всем управлять в обители, на ее созидание.

С течением времен явилась необходимость преподобному отцу самолично отправиться к императору с хлопотами по делам монастыря. Итак он отправился и прибыл в Константинополь. Узнав об этом, император радовался и вместе с тем стыдился: радовался, так как желал видеть преподобного и стыдился, потому что должен был показаться ему в императорском сане; поэтому он встретил его не как император, но как один из обыкновенных, простых людей. Взявши его за правую руку и облобызав ее, он привел его во внутреннюю палату своего дворца и, сидя наедине, они со слезами радости любезно вели взаимную беседу.

– Я знаю, отче, – говорил император, – что я виновник всех твоих трудов и скорбей, презрев страх Божий и не исполнивши моего обещания. Но умоляю тебя, – потерпи на мне, ожидая моего покаяния, когда Бог дарует мне возможность "воздать ему мои обещания".

Межу тем преподобный увещевал его быть боголюбивым, благочестивым, не гордым, милосердным, щедроподательным и, напоминая будущее воздаяние в жизни вечной, поучал его всем хорошим делам, приличествующим императору христианину. Преподобный пробыл в Константинополе много дней, часто дружески беседуя с императором. Отпуская его, император дал монастырю всё необходимое. Затем он утвердил указом, чтобы обители ежегодно давалось с острова Лимнос двести сорок четыре златника. Преподобный возвратился к братии с щедрою царскою милостью.

В то время как преподобный успешно подвизался и руководил на пути спасения множеством братий, – на него восстал со всею своею силою ненавистник добра диавол и вооружился на войну против храброго Христова воина. О сем открыто было одному из

старцев-подвижников, который, придя в исступление, видел бесовский полк, подходящий к горе Афонской; в полке этом находился один начальник, как бы тысячник – страшный и грозный, показывавший большую власть. Он разделил помянутый полк: сто бесов отправил обходить всю гору и уловлять иноков, а сам с девятыстами отправился с страшной ненавистью в Афанасиеву лавру. Прежде чем сообщено было это видение преподобному, его постигла следующая болезнь. Когда по своему обыкновению он трудился с другими работниками на морской пристани, случайно упало ему на ноги огромное дерево и переломило суставы и голени, так что святой лежал на одре болезни в течение трех лет. Впрочем он и во время болезни не желал оставаться в бездействии, но писал книги, в сорок дней оканчивая патерик. И лежа, он вооружался против невидимого супостата и, одерживая победу, отражал его козни. Тогда враг, не имея успеха в Лавре, отправился и возбудил старых простецов иноков, проживавших по прочим святогорским монастырям и проводивших жизнь отшельническую; он внушал им следующие неодобрительные мысли о действиях преподобного:

– Зачем Афанасий причиняет насилие святой горе и разоряет древние законы? Он воздвигнул многоценные здания, устроил новые пристани, выкопал новые водоемы, накопил волов, засеял поля, развел виноградники, словом – сделал гору мирским поселком.

Посоветовавшись между собою, эти старцы отправились в Константинополь к императору Иоанну, преемнику умершего Никифора²³; наговаривая на Афанасия, они упрашивали императора прогнать его с Афонской горы. Император чрез посланного призвал к себе Афанасия, уже выздоровевшего после болезни; увидав его и уразумев пребывающую на нем благодать Божию, император вместо того, чтобы разгневаться на подвижника, почувствовал к нему расположение; он весьма полюбил богодохновенного отца, оказал ему почет и осыпал его царскими благодеяниями. Он подтвердил и прежний указ, данный императором Никифором, чтобы в обитель давалась дань с острова Лимнос в размере двухсот сорока четырех златников и с почетом отпустил Афанасия обратно. Тогда те древние старцы-простецы, исполнившись стыда, раскаивались в своих замыслах и, приходя к преподобному, просили у него прощения. Устыдился и супостат диавол и, сильнее восплававши гневом, снова во своим легионом напал на Лавру святого отца. Это нашествие видел честный старец Фома, имевший чистые душевные очи. Он после совершения молитвословий третьего часа пришел в исступление и видел все горы и холмы, деревья и хворост переполненными небольшими эфиопами, которые, сердясь и пылая враждою, друг друга призывали к войне и битве, злобно и свирепо восклицая:

– До каких пор мы будем терпеть, друзья? почему мы не растерзаем зубами здесь поселившихся? Почему не истребим их немедленно отсюда? Да и до каких пор будем терпеть их начальника врага нашего? Разве вы не видите, как он выгнал нас отсюда и завладел нашими местами?!

Когда они так говорили, вышел из келлии преподобный Афанасий. Увидавши его, эфиопы содрогнулись и смутились. Он же, напавши на них, бил их, ранил и отгонял; он не переставал наносить им побои, пока не отогнал всех далеко от Лавры. Когда старец Фома сообщил о видении преподобному, последний немедленно встал на молитву и со слезами умолял Бога сохранить свое стадо от зубов вражеских. И поистине преподобный молитвою как бы железным жезлом побивал и прогонял невидимых зверей. Последние же, хотя и убегали, но всё же, понемногу возвращаясь снова, не переставали своими кознями возбуждать вражду. В одном иноке они поселили такую ненависть к преподобному, что он не желал даже глядеть на него, и по действию бесов в нем так возросла злоба, что он покушался даже на убийство. Приготовивши и отточивши меч, он изыскивал подходящего случая, чтобы убить преподобного отца. Как-то раз ночью, когда все спали, а преподобный пребывал в своей келлии в бодрствовании на молитве, убийца подошел к келлии святого, под предлогом, – будто имеет весьма нужное к нему слово; в то же время он держал под рукою обнаженный меч; он стукнул бесстрашно в дверь, говоря:

– Благослови, отче!

И голос его был голосом Иакова, а руки Исавовы²⁴. Преподобный же отец, будучи праведен как Авель, не знал, что снаружи стоит Каин и вызывает его для убийства²⁵, – он спрашивал из келлии:

– Кто ты?

И немного приотворил дверь.

Убийца же, испугавшись отеческого голоса, с трепетом упал на землю. Бог, охраняющий верного Своего раба, внезапным ужасом поразил убийцу: его руки ослабли, меч упал на землю, и он сам лежал пред ногами отца распростертым на земле как мертвец. Видя это, преподобный удивился и ужаснулся, и поднимал лежащего с земли. Едва придя в себя последний растроганным голосом сказал отцу:

– Помилуй меня, отче, твоего заклателя! Прости мою злобу, которую я замышлял против тебя и прости нечестие моего сердца!

Зажегши свечу и увидавши на земле меч, оточенный как бритва, Афанасий уразумел замысел инока:

– Чадо, – сказал он, – как на разбойника вышел ты на меня с сим мечом?! Но перестань рыдать, зажми рот, спрячь эту вещь, никому не говори о случившемся и подойди ко мне – я облобызаю тебя; Бог же да простит тебе твое согрешение!

Таково было незлобие преподобного отца! С того времени он обнаруживал большую любовь к тому брату. Последний же, всегда вспоминая о своем грехе и наблюдая незлобие и любовь к себе отца, непрестанно рыдал и не мог утаить случившегося происшествия, обличая свой грех и прославляя добродетель преподобного. Он умер с искреннейшим раскаянием и преподобный так плакал о нем, как ни о ком другом. И еще один брат, подобно первому ненавидя отца, изыскивал случай истребить его из среды живущих на земле. Не зная же, как это устроить, он предался бесовским волхвованиям и чарованиям; причинивши отцу много смертельных волшебств и чарований, он не имел к своему удивлению никакого успеха. Случайно он спросил некоего брата:

– Причиняют ли человеку смерть чародейства?

Брат отвечал, что благочестивому и по-божески живущему человеку не может причинять вреда никакое чарование или волхвование. Выслушавши это, волшебник проклинал себя в своей совести. Узнавши же затем, как отец простил намеревавшегося убить его брата, он изумился его незлобию, умилился, пришел в страх Божий и, отправившись к отцу, упал ему в ноги, с большим рыданием исповедуя свой грех и испрашивая прощения, которое он получил от незлобивого отца. Таким был преподобный Афанасий относительно согрешающих пред ним. За это Бог и прославил его повсюду. В его паству собралось множество братий из различных стран, не только из Греции, ни и из Италии, из самого древнего Рима, из Клабрии²⁶, Амалфии²⁷, Иверии²⁸, и – не из числа только простолюдинов, но из числа богатых и благородных. Даже игумены многих монастырей, бросивши свое начальствование, приходили под начальство к преподобному. Не только игумены, но и архиереи, оставляя свои кафедры и паствы, приходили в паству святого отца и желали быть его пасомыми. Из числа таковых были – великий между патриархами Николай, он же и Харитон, Андрей Хризополит и Акакий, просиявший в течение многих лет в постничестве. Точно также и состарившиеся в непроходимых пустынях подвижники, придя, по Божественному строению, к отцу, водворялись в его лавре, желая назидаться примером его добродетельной жизни. Из числа последних был: преподобный Никифор, подвизавшийся вместе с святым Фантином в горах Калабрии. Им было божественное видение, приказывавшее Фантину идти в Солунь, а Никифору на Афон к преподобному Афанасию, у которого он, проживши долгое время, преставился и был похоронен. По прошествии же некоторого времени, когда мощи его, по случаю вынутые из земли, переносилась в другое место, из сухих костей проистек источник благоуханнейшего, несравнимого ни с какими ароматами мира. Таковые-то святые отцы посылаемы были Богом под управление преподобного отца Афанасия, из чего ясно познается богоугоднейшая по сравнению с другими жизнь его. Подобно тому как от ветвей познается

корень и от плодов дерево, так точно по успешным ученикам познается опытный учитель и по добрым овцам их добрый пастырь. Но уже пора, вкратце припомнивши о чудесах Афанасия, привести речь о нем к концу. Бог, прославляющий Своих святых чудесами, не лишил и сего великого угодника Своего дара чудотворения. Прежде всего скажем об его прозорливости.

Однажды наступил жестокий мороз. Преподобный позвал к себе одного из послушников по имени Феодора и сказал ему:

– Брат, взявши пищу, поспеши в Кесарийское (так именовалась на Афоне одна местность). Когда, идя по направлению к морю, будешь напротив Трохал, – встретишь трех, изнемогающих от мороза и голода и находящихся при смерти, мужей, один из которых инок. Подкрепи их хлебом, чтобы к ним возвратилась сила, и они согрелись, и приведи их сюда.

Отправившись, Феодор нашел всё действительно так, как пророчески сказал отец, и все дивились прозорливости святого. Некогда преподобному явилась необходимость по монастырским делам отплыть на корабле к острову с некоторым из братии. По попущению же Божию невидимый враг, желая потопить отца с братиею, поднял страшный ветер, бурю и волнение, опрокинул корабль среди пучины, так что всех немедленно затопила вода. Но десница Божия поспешно избавляющая от бед своего угодника в ту же минуту привела корабль в прежнее положение, укротила бурю и святой очутился сидящим при корме и призывающим к себе братию. Вода подносила их к кораблю как бы на руках. Преподобный же отец, вытаскивая их по одному из воды, всех собрал живыми. Не находился один лишь Петр Кипрянин; не видя его, отец взволновался сердцем и громко воззвал:

– Чадо Петр! Где ты?

И вместе с восклицанием отца Петр поднимался из глубины и подносился водой к кораблю, где и был принят руками преподобного. Таким образом сам преподобный и братия его спасены были от потопления; и злобный враг не только не порадовался, но еще более был постыжен. Блаженный отец всюду посрамлял врага, одерживая над ним победу и прогоняя его. Он изгнал беса из инока Матфея, жестоко мучимого нечистым духом. По молитвам святого прогонялись также невидимые мучители и от прочих, подвергавшихся пагубным страданиям. Преподобный владел также и силой исцелений и, прислуживая больным, многим оказывал чудесную помощь своими руками. Он исцелил прокаженного брата; другого страдавшего язвою также сделал здоровым. Третьего, имевшего раковую язву, уврачевал, сотворивши рукою на язве троекратное знамение креста. Своею молитвою он отогнал саранчу, налетевшую на остров и пожиравшую всю без исключения зелень. Однажды, когда он с братией плыл на корабле по морю, почувствовался недостаток в питьевой воде, так что братия изнемогали от жажды; святой Афанасий приказал почерпнуть морской воды и, благословивши ее, превратил в пресную, ею братия и утолили жажду. Один брат по имени Герасим, обрабатывая в винограднике одну крепкую и высокую лозу, пожелал, так как он владел большой телесной силой, вытащить ее руками из земли. Пошатнувши лозу руками два и три раза, он тем не менее не смог ее вытащить, себе же повредил ужасно. У него надорвался живот, вышли внутренности, и он сильно страдал от боли. По молитве же и знамении святым крестом со стороны преподобного отца получил уврачевание. Тот же самый Герасим, приводя во свидетели Бога, повествовал и о следующем чуде:

– Когда я, – говорил Герасим, – проходил послушание разрезывания хлебов, – у меня явилась надобность сходить к отцу и спросить о каком-то деле. Случилось, что тогда он находился один на молитве в храме святых Апостолов. Я пошел к храму и, посмотревши в окно, увидал, что преподобный отец молился, причем лицо его было как пламень огненный. Я ужаснулся и немного отступил. Обождавши, я снова посмотрел и заметил, что лицо его, окруженное подобием огня, блестит как лицо ангела. От страха я крикнул и произнес:

– О, отче!

Он же, заметивши, что я испугался и понявши от чего, запретил мне кому-либо рассказывать о виденном.

О сем Герасим сообщил братии после преставления преподобного. Некий брат, будучи отправлен отцом на послушание в мирское селение, прельстился по искушению врага плотским грехом и совершил блуд. Сознавши затем тяжесть греха, он отчаивался в своих помыслах и, возвратившись в монастырь, припал к ногам святого со слезами и рыданием и исповедал ему свой грех и отчаяние. Преподобный, изучив его многими полезными наставлениями и убедив не отчаиваться в человеколюбии Божиим, приказал ему оставаться среди братии в своем первоначальном послушании. Между тем один из старцев, по имени Павел, узнавши о падении брата и соболезновательном милосердии отца, роптал и на первого и на второго: брата он укорял за то, что он осмелился совершить столь скверный поступок, нарушивши обет чистоты, а отцу говорил в лицо, что несправедливо прощать такого грешника, но ему необходимо понести многочисленные и тяжелые наказания. Тогда кроткий отец, сурово посмотревши на ропщущего, сказал:

– Павел! смотри, что ты делаешь! За собой наблюдай, а не братии грехи рассматривай, ибо написано: **"кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (1Кор.10:12).

С того времени, по Божию попущению, невидимый искушитель стал уязвлять сердце Павла стрелами скверных помыслов и разжег огнем сладострастия плоть его, и Павел не имел покоя в течение трех дней и трех ночей, весь возгоревшись похотью плотского греха, так что даже стал отчаиваться в своем спасении. А что было хуже всего, так это то, что он стыдился даже открыть отцу свою борьбу. Зная духом об этом, преподобный, призвавши Павла к себе, наедине беседовал с ним о некоторых монастырских делах. Путем беседы он понемногу привлекал Павла к исповеданию плотской его страсти. Тогда Павел, упавши в ноги отцу, рассказал ему свою беду и просил у него облегчения. Преподобный преподав Павлу наставление не осуждать согрешающего брата, отослал его в послушание его. Он был келарем. Сам же, ставши на молитву, усердно со слезами помолился о нем Богу, и в тот же час Павел освободился от страсти. Он ощутил какой-то холод, излившийся на его голову и прошедший по всему телу до самых ног, и от того погасло в нем похотливое раздражение плоти. Другой брат, по имени Марк, уроженец Лампсакии, жестоко обуревался такою же греховною плотскою похотью; придя к отцу, он исповедал пред ним свою страсть и испрашивал у него молитвенной помощи. По прошествии же нескольких дней, он увидел отца в сновидении, спрашивавшего его:

– Как ты чувствуешь себя, брат?

– Весьма жестоко страдаю, отче, – отвечал тот.

– Растянись ничком по земле, – сказал отец.

Когда же он распростерся по земле, отец наступил своею ногою на его лядвия. Он же поднявшись от давления ноги, почувствовал, что исцелен от страсти и с того часа имел спокойствие, не испытывая более плотского волнения. Изложивши вкратце сии немногие из многих чудеса преподобного отца нашего, совершенные им при жизни, станем повествовать о его преставлении.

Так как, – о чем уже упоминалось раньше, – к преподобному отовсюду собиралось множество братии, то, для помещения всего собора братии явилась нужда распространить церковь; поэтому к церковным стенам подстраивались паперти и приделы. Когда было не окончено строение одного придельного алтаря, прилучилась необходимость самому отцу взойти туда и посмотреть на производившуюся работу, – раньше чем отправиться в предстоящий ему тогда путь в Константинополь; он собирался идти к императору по делам монастырским. Итак прежде всего призвавши братию, он предложил ей поучение блаженного Феодора Студита²⁹, присоединив полезные увещания и от своих благоглаголивых уст. Затем, затворившись в келлии, он молился в течение долгого времени. После сего он вышел из келлии одетый в мантию, имея на голове священный куколь (клобук) блаженного отца своего Михаила Малеина, который он имел обыкновение надевать на себя только лишь по большим праздникам и во время причащения

Божественных Христовых Таин: и в этот день он точно совершал праздник и был светел лицом как ангел Божий. Захвативши за тем с собою шестерых братьев, он отправился с ними на работы. Когда они были уже на верху здания, то по неведомым судьбам Божиим провалился верх последнего и всех уронил вниз, засыпал землею и камнями. Пятеро немедленно предали Богу свои души, а отец и с ним один строитель, по имени Даниил, остались живыми между камнями. Все тогда слышали голос преподобного отца, взывавшего в течение трех часов или даже больше:

– Господи Иисусе Христе, помоги мне! Слава Тебе Боже!

Сбежавшая братия с рыданием и говором разрывали камни и землю какими случилось орудиями, а то руками и ногами. Они откопали отца уже скончавшимся о Господе, не поврежденного телом; только лишь правая нога его была поранена. Около же него откопали живым строителя Даниила, всего разбитого, и вынесли их оттуда. Такова была кончина преподобного отца нашего Афанасия, которая, быть может, кому-либо покажется и бесчестной, ибо он скончался не на одре болезни, но **дорога в очах Господних смерть святых Его!** (Пс.115:6) Для угодника Божия его кончина, о которой ему было не известно, явилась виновницею мученического венца. Провидя оную духом, он предсказал ее за некоторое время своему ближайшему ученику Антонию:

– Прошу тебя, – говорил он, – совершить тот путь, который предстоит нам по монастырским надобностям в Константинополь. Мне, как то угодно Богу, более не увидеть царя земного.

После своей кончины³⁰ преподобный лежал не погребенным три дня, пока не собрались отцы из всех святогорских обителей и не устроили ему почетных похорон. Честное тело его не изменилось, не отекло, не потемнело и лицо его было как бы лицо живого спящего человека; не ощущалось и обычного от мертвеца запаха. О нем у всех был большой плач. А когда совершали над ним похоронные песнопения, то из его раны, которая была на ноге, вопреки природе вытекала кровь. Кто когда замечал, чтобы из раны трехдневного мертвеца истекала кровь? Заметивши это, некоторые из почтенных старцев собирали сию кровь в полотенца и помазывались ею, как великою святынею на благословение. Так погребли честное тело преподобного отца. Тела же пяти братьев, найденные между обрушившимися камнями, честно погребли раньше. Разбитый Дании оставался живым в течение нескольких дней и со вздохом поведал о видении, которое было ему в ночь пред кончиною преподобного:

– Я видел, – передавал Даниил, – будто, вот, от императора явился некий светлый посол, который звал к нему отца. И действительно отец, вышедши из лавры, с шестью братьями, – в числе которых находился и я, – последовал за послом. И вот, когда мы пришли к прекраснейшему царскому дворцу и приблизились к дверям, то преподобный отец с пятью братьями вошел в царскую палату, а я оставлен был наружи и весьма плакал. Изнутри я услышал тогда кого-то, говорящего мне:

– Ты напрасно рыдаешь, человек, – ты не можешь войти внутрь, если тебе не позволит отец, с которым ты пришел.

Я же, услышавши это, начал сильнее рыдать и призывал отца умиленным голосом. По прошествии немногого времени, отец, выйдя, взял меня за правую руку и ввел во дворец, и я сподобился видеть царя и поклонился ему.

С сими словами Даниил предал душу свою в руки Божии.

Вспомынем и еще о некоторых чудесах преподобного Афанасия, случившихся уже после его преставления. Вышеуказанному Антонию, постоянному ученику преподобного, привелось с некоторыми из братии по монастырским нуждам быть в Гагрской области. Путешествуя здесь, они к вечеру встретили стерегшего овец пастуха, который имел единственного сына, укушенного зверем и находившегося уже при смерти. Отец сильно рыдал о сыне. Увидавши проходящих мимо странствующих иноков, он упрашивал их завернуть к нему и, оказывая им гостеприимство, предложил им что имел в пищу – хлеб и молоко. Иноки удивились его добродетели, что он не оставлял страннолюбия даже и тогда,

когда находился в такой печали, и соболезновали ему в его горе. Серди иноков был один брат, по имени Симеон, который имел при себе полотенце, омоченное кровью преподобного отца. Этим полотенцем Симеон обвязал рану ребенка, и последний немедленно заснул крепким сном и проспал до утра. Там же заночевали и иноки. Поутру ребенок встал здоровый, исцеленный от раны, и попросил есть. Тогда все прославили Бога. В другой раз, когда один из братьев был опять послан на монастырское послушание, ему случилось войти в дом некоего христороубца, где лежала на одре болезни женщина, в течение долгого времени страдавшая кровотечением. Мужья все домашние скорбели о ней. Узнав о причине их скорби, инок сказал:

– Я имею на полотенце кровь святого Афанасия и если желаете, то омочим окровавленное полотенце в воде, выжмем его, а воду ту пусть выпьет больная, и она будет здорова.

Больная женщина, услышавши речи инока, стала слезно упрашивать его, дабы он поскорее исполнил свое предложение. Тогда инок, приготовивши такую воду с кровью святого, подал ей. Женщина, принявши воду, сказала:

– Святой Афанасий, помоги мне!

И выпила всю. Немедленно после сего остановилось у ней кровотечение, и она стала здоровой. Опять, в другой раз, как-то инок Симеон и инок Георгий отправлены были на корабле для некоторых монастырских послушаний. Они доплыли до Певкийской пристани, где нашли некоего корабельщика умирающим, уже не говорящего в течение восьми дней, оплаканного друзьями и отчаявшегося в своем выздоровлении – они возложили на него обгащенное кровью святого полотенце. Больной корабельщик немедленно, как бы воспрянув от сна, встал здоровым. Совершались также различные чудеса и при гробе святого. А именно: изгонялись из людей нечистые духи, у приходящих с верою и помазывавшихся елеем из горящей при его гробе лампы исцелялись различные недуги. Припомним также и следующее, что случилось с добродетельным иноком Евстратием. У последнего каким-то образом повредились внутренности, так что естественная необходимая моча вытекала у него не в виде воды, но в виде крови. Этой болезнью он страдал в течение семи лет и несмотря на то, что прибегал ко многим врачам, последние были не в состоянии ему помочь. Отказавшись от врачей, он положился на Бога, молясь о ходатайстве пред Ним преподобному отцу Афанасию. Как только он прибегнул к сему подающему исцеления врачу, то и получил от него исцеление следующим образом. – В сновидении ему казалось, будто он находится за трапезой и видит: на обычном игуменском месте сидел преподобный отец, а пред ним полная склянка воды и блюдо винограда. Преподобный, взявши несколько виноградин, положил их в воду, которую давал Евстратию выпить. Евстратий же, предполагая, что это обыкновенное лечебное средство (от которого он отрекся), не пожелал принять. Тогда отец сказал ему:

– Не бойся, выпей, и тебе это будет во здравие.

Тогда Евстратий, принявши и выпив, пробудился от сновидения и с того часа почувствовал себя совершенно исцеленным от сего недуга.

Но уже благовременно закончить теперь слово о жизни, подвигах и чудесах преподобного, изложено с сокращениями на основании книги, подробно повествующей о святом муже.

Да будет дивному во святых Своих Богу, проявившему Свою чудесную милость и силу на преподобном Афанасии, бесконечная слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 3:

Еже во плоти житию твоему удивися ангельстии чини, како с телом к невидимым сплетением изшел еси, приснославне, и уязвил еси демонския полки; отонудуже, Афанасие, Христос тебе воздаде богатыми дарованьи: сего ради, отче, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Яко невестственных существ зрителя изрядна, и деятельна сказателя всеистинна, зываетя стадо твое богоглагольниче: не оскудей моля о рабах твоих, избавитися напастей и обхождений, вопиющим ти: радуйся, отче Афанасие.

¹ Афанасий – в переводе с греческого значит "бессмертие".

² Находился в северо-восточной области Малой Азии Понте, на морском берегу, на запад от реки Гисса.

³ Византия – мегарская колония, основанная в 658 г. до Р. Хр. на европейской стороне Босфора; замечательная по своим удобствам бухта золотого рога и господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, обеспечивали за ней важное торговое и промышленное значение. Император Константин Великий, оценив выгоды положения Византии, перенес сюда (в 330 г.) столицу Римской империи, благодаря чему Византия приобрела всемирно-историческое значение; она прервала связь с прошлым и стала называться Константинополем, Новым Римом.

⁴ См ниже, житие преп. Михаила Малеина, под 12 числом.

⁵ Афонская гора (Афон) по греч. Агион Орос – Святая гора, – узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иночество здесь возникло в древнее время, хотя несколько позже чем в Сирии и Палестине. Для русской церкви почти с самого появления на Руси христианства и по XVII век Афон имел большее значение: здесь постригся отец русского монашества, прп. Антоний; здесь в больших монастырских библиотеках получили наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (напр. прп. Нил Сорский +1508 г.). Здесь находились специальные переводчики и переписчики, снабжавшие отсюда православную Русь переводными рукописными произведениями церковно-назидательного характера. – Как одно из наиболее чтимых святых мест православного востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского пола (женщинам вход в монастырь возбранен) из России, Балканского полуострова и азиатских владений Турции. Почти вся гора, за исключением глубоких ущелий и скал, покрыта богатою растительностью: здесь растут лимонные, апельсиновые и грушевые деревья вперемежку с ореховыми, масличными и каштанами; целые поля усажены многоразличными породами винограда, расположено до двадцати богатых монастырей, несколько скитов и множество (сотни) отдельных келий, – греческих, русских, молдавских, болгарских и др.

⁶ Вероятно из Антиохии Писидийской, названной так от области Малой Азии Писидии, где находился этот город.

⁷ Колхида – страна, находившаяся к югу от Понта Евксинского (Черного моря) между Кавказом, Иберией и Арменией.

⁸ Роман II 957-963 гг.

⁹ Евнухами назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве хранителей сокровищ, царской казны и в особенности в качестве стражи при опочивальнях царя, цариц и царевен. По большей части евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная.

¹⁰ Или Архипелаг.

¹¹ Память его 12 числа настоящего месяца.

¹² Никифор II Фока – император 963-969 гг.

¹³ Поприще – мера расстояния приблизительно в 690 сажен.

¹⁴ До времени императора Константина Великого наименование патриций усвоилось только лицам благородного происхождения, главным образом потомкам сенаторов; патриции в виду своего происхождения пользовались различного рода привилегиями в пользовании общественной землей и в частноправовых отношениях; император же Константин сделал патрициат личным достоинством, даруемым высшим чиновникам и не переходившим по наследству.

¹⁵ Солунь или Фессалоники – город Македонии.

¹⁶ Авва – отец.

¹⁷ Лавра – с греч часть города, переулоч – собственно ряд келлий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келье, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняли строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и потом в Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

¹⁸ Крит или Кандия – наибольший из греческих островов в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря.

¹⁹ Литра – мера веса, равняющаяся 72 золотникам.

²⁰ На греческом языке известно пространное жизнеописание св. Афанасия; пространно излагают его житие и великие Mineи-Четьи.

²¹ Роман II 957-963 гг.

²² Атталия – город Памфилии, узкой береговой полосы малой Азии между Ликией и Киликией.

²³ Иоанн Цимисхий 969-976 гг.

²⁴ Т.е. этот инок действовал лицемерно. Ср. Быт.27:21-23.

²⁵ Ср. Быт.4:8.

²⁶ Калабрия – низменный полуостров, простиравшийся от Тарента до Япигского мыса. В средние века византийскими писателями название Калабрии было перенесено на западный полуостров Нижней Италии, прежней Бруттии.

²⁷ Амалфия – приморский город у Салернского залива в итальянской провинции Салерно; основан вероятно в IV в. Константином Великим.

²⁸ Иберия – Испания.

²⁹ Прп. Феодор Студит еще в юных годах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь в начале под руководством своего дяди, прп. Платона (память его 5 апреля), защитника иконопочитания на VII вселенском соборе. Впоследствии прп. Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот под его управлением достиг небывалой высоты. Прп. Феодора дважды выслали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Мариєю и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении из ссылки в Студийский монастырь, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, прп. Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном св. Феодор был возвращен из заточения, но жил недолго, изнуренный заключением. Умер 67 лет в 826 году 11 ноября (когда и совершается его память). В минуту кончины святого Феодора прп. Иларион Далматский видел сонм ангелов, нисходящих с неба и слышал голос: "се душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горе и ее встречают небесные силы". – Св. Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное издание сочинений прп. Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала "Христианское чтение" в качестве приложения к этому журналу за 1907 и следующие годы.

³⁰ Последовавшей в 1000-1001 г.

Мученица Агния (Анна) Римская, дева

Дни памяти

3 февраля

18 июля

Мц. Агния (Анна), 13-летняя христианка из Рима. Когда она отказалась поклоняться языческим богам и выходить замуж за сына римского чиновника, её пытались опозорить, отправив в дом терпимости. Но произошло чудо: волосы девы чудесно отросли, став ей одеждой, а небесный свет оградил её от поругания. Один из пытавшихся осквернить её юношей внезапно умер, но по молитве Агнии воскрес, что обратило ко Христу 160 свидетелей. Разгневанные язычники казнили святую, пронзив ей горло мечом. Позже на месте её погребения произошло исцеление дочери императора Константина, после чего здесь построили храм и основали монастырь в память о мученице.

Мученица Агния (Анна) родилась в Риме от благочестивых родителей и была воспитана в христианской вере. В 13 лет она отказала в замужестве сыну начальника области и, не принеся жертву богине Весте, была нагой отправлена в непотребный дом. Но по Божию изволению у нее выросли такие длинные волосы на голове, что покрыли все ее тело как одежда, а в доме встретил ее Ангел Божий и покрыл таким блистающим сиянием, что от этого блеска нечестивые юноши не могли смотреть на нее. Когда св. Агния начала молиться, то увидела перед собой белую одежду, сотканную Ангельскими руками. Юноша, виновник зла, вошел к Агнии и хотел совершить над ней насилие, но пал бездыханным, преданный Ангелом Божиим сатане. По просьбе отца юноши святая дева воскресила своей молитвой умершего, который стал прославлять Бога. И от этого 160 человек уверовали во Христа, крестились, а спустя некоторое время язычники отсекли головы им и воскрешенному юноше.

Тогда св. мученица Агния была предана жестоким мучениям, после которых ей воткнули в гортань меч, от чего она и предала свой дух Господу.

Молясь у гроба св. Агнии, от рук язычников пострадала сверстница ее Эмерентиана, которую похоронили вблизи св. Агнии. Спустя много лет дочь Константина Великого Констанция исцелилась от тяжелой болезни на гробе св. Агнии, устроив в благодарность на месте погребения ее церковь во имя св. мученицы, а затем и девичий монастырь.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-agnija-anna-rimskaja>

Мученица Кирилла (Киприлла) Киринейская

Святая мученица Кирилла (Киприлла) Киринейская пострадала за веру Христову в 304 году, была усечена мечом после жестоких пыток за отказ поклониться идолам.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-kirilla-kiprilla-kirinejskaja>

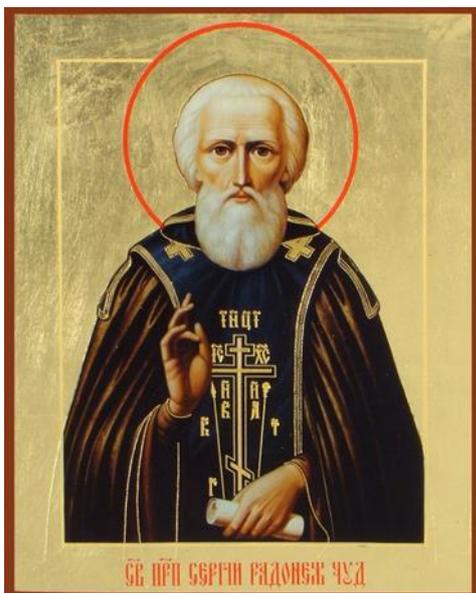
В этот же день память преподобного Лампада, чудотворца Иринопольского.

Прп. Лампад подвизался в X в. близ Иринополя в области Исаврия. Он с юности посвятил себя аскезе. Смирением и умной молитвой преподобный сумел подчинить плотскую волю душе так, что блистал как солнце, просвещая наставлениями тех, кто омрачался собственными страстями и бесовскими наущениями. Он совершал удивительные чудеса не только при жизни, но и после блаженной кончины, исцеляя всех, кто с верой приходил к пещере, где он вел подвижническую жизнь. В этом месте благоговейно сохраняются его святые мощи.

«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители Симонопетра.

В этот же день обретение мощей преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца, в 1422 году.

Сергий, игумен Радонежский, преподобный чудотворец – прославление

Дивен Бог во святых Своих! Прославляя Своих избранных, Он через них же устроит и наше спасение.

В трудные для Церкви времена, когда благопотребна была особенная помощь Божия к укреплению веры Православной в сердцах людских или когда нечестие людское грозило подавить собою благочестие и веру, в такие трудные времена Бог нарочито посылал особых избранных Своих, которые, будучи преисполнены благодати Божией, своей дивной жизнью, своим смирением привлекали к себе сердца людей и делались наставниками и руководителями в духовной жизни для всех.

Одним из таких великих избранных Божиих был преподобный Сергий, дарованный Богом земле Русской именно в такое тяжелое время, когда татары заволокли почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарское насилие и

грубость тогдашних нравов грозили русскому народу совершенной гибелью. Полтораста с лишком лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог мольбы Руси Православной – приближался час освобождения, в котором Сергей явился истинным печальником родной земли.

Но чтобы сбросить варварское иго и ввести инородцев в ограду Христианской Церкви, для этого нужно было приподнять и укрепить нравственные силы, принижённые вековым порабощением и унынием. Этому нравственному воспитанию народа и посвятил свою жизнь преподобный Сергей. Самым сильным средством, доступным и понятным тому веку, был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. На страницах древнего жития повествуется о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха; как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искусства, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келлий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословащим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. В этом повествовании видно практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства.

Так воспитывалось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю, пытливым взглядом смотрел на чин жизни и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно или, как выразился разочарованно один мужичек, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско». Случалось, все братия по целым дням сидели чуть не без куска хлеба. Но все были дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делал свое дело, каждый работал с молитвой, и все молились после работы. Во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыни; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение к ободрению и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. И эти капли нравственного влияния, подобно закваске, вызывающей живительное брожение, западая в массы, незаметно изменяли направление умов, перестраивали весь нравственный строй души русского человека XIV века.

Преподобный Сергей примером своей святой жизни, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие

искры того же огня, которым горел сам он. И народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергея начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. Древнерусское монашество было точным показателем всего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси», как называет его летописец. Он уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся с ним людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих. До 70-ти монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одной из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. И наши летописцы имели полное основание именовать преподобного Сергея игуменом всея Руси, и Святая Церковь достойно и праведно величает его Возбранным Воеводою Русской земли!

Родиной преподобного Сергея была земля Ростовская, поэтому «он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна». А преподобный прошел общим путем скорбей и подвига крестного прежде, чем явился тем дивным благодатным мужем, каким мы видим его в последние годы жизни. Сбылось дивное обетование Господа: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и Аз возлюблю его, и к нему приидем и обитель у него сотворим (Ин. 14, 21–23). Преподобный Сергей опытно познал тайну Живоначальной Троицы, потому что жизнью своей соединился с Богом, приобщился к самой жизни Божественной Троицы, то есть достиг возможной на земле меры обожения, став причастником Божеского естества (2Пет. 1, 4). И в душе его «сотворила обитель» Святая Троица; он сам сделался «обителью Святой Троицы», и всех, с кем общался преподобный, он возводил и приобщал к ней. Справедливо замечает его ученик и описатель жития его, что Сергей был «яко един от древних великих отцев». За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камня веры – Петра; за свою девственную чистоту – девственника и друга Христова Иоанна, а за свое величайшее смирение – смиреннейшую из земнородных Владычицу мира, Пресвятую Богородицу. В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены были все дары Божии: и дар чудотворений, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существовало ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени: он видел далече отстоящее, яко близ сущее, зрел будущее, как бы настоящее. За святость жития своего он был почти от всех любим и почитаем и уважаем более, чем сколько позволило это его тогдашнее смиренное состояние. Многое множество приходило к нему из разных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие».

Как корабль, обремененный множеством сокровищ, тихо приближается к доброму пристанищу, так богоносный Сергей приближался к исходу из сей временной жизни. Вид смерти не страшил его, потому что он готовился к ней подвигами всей своей жизни. Ему было уже за 70 лет. Непрестанные труды изнурили его старческие силы, но он никогда не

опускал ни одной службы Божией и «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая собою юным поучительный пример.

За полгода до кончины великий подвижник удостоился откровения о времени своего отшествия к Богу. Он созвал к себе братию и в присутствии всех передал управление обителью присному ученику своему преподобному Никону (память 17/30 ноября), а сам начал безмолвствовать. Наступил сентябрь 1391 года, и преподобный старец тяжело заболел... Еще раз собрал он вокруг себя всех учеников своих и еще раз простер к ним свое последнее поучение.

Сколько простоты и силы в этом предсмертном поучении умирающего отца иноков! Сколько любви к тем, которых оставляет! Он желал и заповедал, чтобы его духовные дети шли тем же путем к Царству Небесному, каким шествовал он сам в продолжение всей своей жизни. Прежде всего он учил их пребывать в Православии: «основанием всякого доброго дела, всякого доброго намерения, по учению слова Божия, должна быть вера; без веры угодить Богу невозможно. Но вера православная, основанная на учении апостолов и отцов, чуждая высокоумствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения». Далее преподобный завещал братии хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, советовал удаляться от злых похотей, предписывал умеренность в пище и питии, смирение, страннолюбие и всецелое искание горнего, небесного, с презрением суеты житейской. Он многое напомнил им из того, что говорил прежде, и наконец заповедал не погребать его в церкви, а положить на общем кладбище, вместе с прочими усопшими отцами и братьями.

Безмолвно стояли с поникшими главами скорбящие чада Сергиевы и с болью сердечной внимали последним наставлениям любимого старца. Особенно грустно им было слышать последнюю волю своего смиренного игумена относительно места его последнего покоя. Один вид могилы его в храме Божием среди собора молящихся братьев мог бы служить для них некоторым утешением. Но старец не желал этого, а ученики не хотели огорчать его смирение своим противоречием, и всякое слово невольно замирало на их устах. «Не скорбите, чада мои, – с любовью утешал их старец, – я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будет вам прибежищем и стеной от стрел вражиих!»

Перед самым исходом души своей старец пожелал в последний раз приобщиться Пречистого Тела и Крови Христовых. Весь исполненный благодатного утешения, он возвел горе свои слезящиеся от радости очи и еще раз, при помощи учеников, простер к Богу свои преподобные руки... «В руце Твои предаю дух мой, Господи!» – тихо произнес святой старец и в дыхании сей молитвы отошел чистой своей душой ко Господу, Которого от юности возлюбил.

Это было 25 сентября 1392 года. Лишь только преподобный Сергей испустил последний вздох, несказанное благоухание разлилось по его келлии. Лицо усопшего праведника сияло небесным блаженством, и смерть не посмела наложить свою мрачную печать на светолепный лик новопреставленного старца Божия.

Немедленно старейшие из братии отправились в Москву со скорбной вестью к митрополиту Киприану. Они сообщили ему как завещание старца о месте погребения, так и усердное желание всей братии положить его в церкви Пресвятой Троицы, им самим созданной, и просили его архипастырского о том распоряжения. И святитель не затруднился благословить их на погребение смиренного игумена в церкви, хотя сам он не желал того. Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов. Каждому хотелось приблизиться и прикоснуться если не к самому телу богоносного старца, то, по крайней мере, ко гробу его. Тут были и князья, и бояре, почтенные старцы-игумены, и честные иереи столицы, и множество иноков, кто со свечами, кто с кадилами и святыми иконами, провожая святые останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. И похоронили его у правого клироса в церкви Пресвятой Троицы.

Трогательными чертами изображает скорбь осиротевших учеников Сергиевых блаженный описатель жития его, сам свидетель и участник этой скорби. «Все сетовали, – говорил он, – все плакали, воздыхали, ходили с поникшей головой». И в горести души своей часто приходили они на могилу старца, и здесь в слезной молитве припадали к его мощам святым, и беседовали с ним, как бы с живым, поверяя ему скорбь свою. «О, святче Божий, угодниче Спасов, избранниче Христов!» – говорили они. – О, священная главо, преблаженный авва Сергие Великий! Не забуди нас, убогих рабов твоих, не забуди нас сирот своих; поминай нас всегда во святых своих и благоприятных молитвах ко Господу, поминай стадо, тобою собранное. Молись за нас, отче священный, за детей твоих: ты имеешь дерзновение у Царя Небесного, – не промолчи же, вопия за нас ко Господу! Тебе дана благодать за нас молиться... Мы не считаем тебя умершим, нет! Хотя телом ты и преставился от нас, но дух твой с нами; не отступи же от нас, пастырь наш добрый».

Так оплакивали святые ученики святого старца, так крепко веровали они в его благодатное сопребывание духом с ними. И по вере их угодник Божий не оставлял их без утешения. Так, однажды благочестивый инок Игнатий видел наяву во время всеобщего бдения, что преподобный Сергий стоит на своем месте игуменском и поет вместе с братией. Это видение было как бы ответом любвеобильного старца своим присным ученикам из загробного мира, ответом на их сердечный молитвенный плач над гробом его.

Спустя 30 лет по преставлении преподобного Сергия Бог благоволил явить миру сокровище святости. Незадолго перед построением нового храма во имя Живоначальной Троицы преподобный Сергий явился одному благочестивому мужу, жившему близ обители, и повелел возвестить игумену и братии: «Вскую мя оставите толико время во гробе, землю покровена, воде утесняющей тело мое?» И преподобный Никон, приступая к созданию каменного храма, в присутствии крестного сына Сергеева князя звенигородского и галичского Юрия Димитриевича, при копании рвов обрел и изнес из земли мощи отца своего 5 июля 1422 года. При открытии гроба разлилось благоухание необыкновенное. И не только тело чудотворца оказалось нетленным, но и одежды его были невредимы, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. Мощи на время были поставлены в деревянной Троицкой церкви (на том месте находится теперь церковь Сошествия Святого Духа.) Каменный храм, как место покоя великого Сергия, созидался и украшался с благоговейной любовью и с усердными молитвами. Над украшением сего святилища потрудились преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев (память 4/17 июля). При освящении в 1426 году каменного Троицкого собора святые мощи были перенесены в него. И доныне стоит этот храм Никонова строения, не потрясаемый веками, и освящает молящихся, и руки нечестивых доныне не прикасались к нему.

Все нити духовной жизни Русской Церкви сходятся к великому Радонежскому угоднику и чудотворцу, по всей Православной России благодатные животворящие токи распространяются от основанной им Троицкой обители. Духовный вклад преподобного Сергия в богословское учение о Святой Троице особенно велик, ибо он глубоко прозирал сокровенные тайны «умными очами» подвижника – в молитвенном восхождении к Триипостасному Богу, в опытном богообщении и богоуподоблении.

Радонежский подвижник, его ученики и собеседники обогатили Русскую и Вселенскую Церковь новым богословским и литургическим ведением и видением Живоначальной Троицы, Начала и Источника жизни, являющей Себя миру и человеку в соборности Церкви, братском единении и жертвенной искупительной любви ее пастырей и чад.

Духовным символом собирания Руси в единстве и любви исторического подвига народа стал храм Живоначальной Троицы, воздвигнутый преподобным Сергием «чтобы постоянным взиранием на Нее побеждался страх ненавистной розни мира сего». «Ненавистная рознь», раздоры и смятения мирской жизни преодолевались иноческим общежитием, насажденным преподобным Сергием по всей Руси. Обитель преподобного Сергия стала для Русской Церкви образцом восстановления первоначального единства и святости человеческой природы, которая была создана Творцом по образу Божественного

Триединства. В ней воспитались святые, принесшие затем начертание истинного пути Христова в отдаленные пределы. Во всех своих трудах и деяниях прп. Сергей и его ученики воцерковляли жизнь, давая народу живой пример возможности этого. Не отрекаясь от земного, но преображая его, они звали восходить и сами восходили к небесному.

К преподобному Сергию, как к неиссякаемому источнику молитвенного духа и благодати Господней, во все времена шли на поклонение – для назидания и молитвы, за помощью и исцелением – тысячи народа. И каждого из прибегающих с верою к его чудотворным мощам он исцеляет и возрождает, исполняет силы и веры, преображает и возводит к своей светоносной духовности.

Не только духовные дары и благодатные исцеления подаются всем, приходящим с верою к мощам преподобного, но ему дана также от Бога благодать защищать от врагов Русскую землю. Своими молитвами преподобный был с воинством Димитрия Донского на Куликовом поле; он благословил на ратный подвиг своих постриженников-инок Александр Пересвета и Андрея Ослябю. Он указал Иоанну Грозному место для сооружения крепости Свияжска и помогал в победе над Казанью. Во время польского нашествия преподобный Сергей явился во сне нижегородскому гражданину Косме Минину, повелевая собирать казну и вооружать войско для освобождения Москвы и Русского государства. И когда в 1612 году ополчение Минина и Пожарского после молебна у Святой Троицы двинулись к Москве, благодатный ветер развеивал православные стяги, «яко от гроба самага чудотворца Сергия».

К периоду Смутного времени и польского нашествия относится героическое «Троицкое сидение», когда многие иноки по благословению преподобного игумена Дионисия (память 12/25 мая) повторили священный ратный подвиг Сергиевых учеников Пересвета и Осляби. Полтора года – с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года – осаждали поляки обитель Живоначальной Троицы, желая разграбить и разрушить этот священный оплот Православия. Но заступлением Пречистой Богородицы и молитвами преподобного Сергия «со многим стыдом» бежали наконец от стен монастыря, гонимые Божиим гневом, а вскоре и сам предводитель их Лисовский погиб лютой смертью как раз в день памяти преподобного Сергия, 25 сентября 1617 года. В 1618 году приходил к стенам Святой Троицы сам польский королевич Владислав, но, бессильный против охраняющей обитель благодати Господней, вынужден был подписать перемирие с Россией в принадлежавшем монастырю селе Деулино. Позже здесь был воздвигнут храм во имя преподобного Сергия.

А в 1812 году, когда Наполеон поднялся на колокольню Ивана Великого, чтобы полюбоваться окрестностями Москвы, то был уstraшен видением: по воздуху приближались три армии русских с необыкновенным предводителем – монахом с крестом в руках. И это был покровитель Москвы и Руси преподобный Сергей, Радонежский чудотворец.

В последующее время обитель продолжала быть неоскудевающим светочем духовной жизни и церковного просвещения. Из ее братии избирались на чреду служения многие прославленные иерархи Русской Церкви. В 1744 году обитель за заслуги перед родиной и верой стала именоваться лаврой. В 1742 году в ее ограде учреждена духовная семинария, в 1814 году сюда была переведена Московская духовная академия.

И ныне Дом Живоначальной Троицы служит одним из главных благодатных центров Русской Православной Церкви. Здесь изволением Святаго Духа совершаются деяния Поместных Соборов Русской Церкви. В обители имеет местопребывание Святейший Патриарх Московский и всея Руси, который носит на себе особенное благословение преподобного Сергия, являясь по установившемуся правилу «Свято-Троицкой Сергиевой лавры священноархимандритом». Но самое главное: на этом небольшом островке среди многомятежного мира, под покровом Царицы Небесной, обещавшей быть неотступной от места сего, особенно чувствуется умиротворяющее дыхание вечности; именно здесь ощущается, что отечество – это не только земля, не только поля, реки и горы, но это, прежде

всего, люди, это наши святые отцы, которые рожают нас духовно, те отцы, которые руководят нас в Царствие Небесное.

5/18 июля, день обретения мощей святого аввы Сергия, игумена Русской земли, – самое многолюдное и торжественное церковное празднество в обители.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Святая преподобномученица великая княгиня Елисавета

Дни памяти

5 февраля - Собор Костромских святых

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

11 февраля - Собор Екатеринбургских святых

21 июня (переходящая) - Собор Санкт-Петербургских святых

18 июля

7 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

11 октября - Обретение мощей

Великая княгиня Елисавета Феодоровна, немецкая принцесса по рождению, приняла православие в 1891 г. После трагической гибели мужа от рук террориста полностью посвятила себя служению Богу и ближним,

основав в Москве Марфо-Мариинскую обитель – уникальный центр духовной и медицинской помощи. В 1918 г. была арестована большевиками и вместе с другими членами императорской семьи (великими князьями) сброшена в шахту под Алапаевском, где приняла мученическую смерть с молитвой на устах. Её мощи покоятся в Иерусалиме.

Святая преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна была вторым ребенком в семье великого герцога Гессен-Дармштадского Людвиг IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории, Еще одна дочь этой четы — Алиса станет впоследствии императрицей Российской Александрой Феодоровной.

Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому порядку, установленному матерью. Детская одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли свою домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елисавета Феодоровна говорила: «В доме меня научили всему». Мать внимательно следила за талантами и наклонностями каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей, вложить в сердца любовь к ближним, особенно к страждущим.

Родители Елисаветы Феодоровны раздали большую часть своего состояния на благотворительные нужды, а дети постоянно ездили с матерью в госпитали, приюты, дома для инвалидов, принося с собой большие букеты цветов, ставили их в вазы, разносили по палатам больных.

Елисавета с детства любила природу и особенно цветы, которые увлеченно рисовала. У нее был живописный дар, и всю жизнь она много времени уделяла этому занятию. Любила классическую музыку. Все, знавшие Елисавету с детства, отмечали ее религиозность и любовь к ближним. Как говорила впоследствии сама Елисавета

Феодоровна, на нее еще в самой ранней юности имели огромное влияние жизнь и подвиги святой Елисаветы Тюрингенской, в честь которой она носила свое имя.

В 1873 году разбился насмерть на глазах у матери трехлетний брат Елисаветы Фридрих. В 1876 г. в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елисаветы. Мать просиживала ночами у постелей заболевших детей. Вскоре умерла четырехлетняя Мария, а вслед за ней заболела и умерла сама великая герцогиня Алиса в возрасте 35 лет.

В тот год закончилась для Елисаветы пора детства. Горе усилило ее молитвы. Она поняла, что жизнь на земле — путь Креста. Ребенок всеми силами старался облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни принцесса Елисавета стала невестой великого князя Сергея Александровича, пятого сына императора Александра II, брата императора Александра III. Она познакомилась с будущим супругом в детстве, когда он приезжал в Германию со своей матерью, императрицей Марией Александровной, также происходившей из Гессенского дома. До этого все претенденты на ее руку получали отказ: принцесса Елисавета в юности дала обет девства (безбрачия). После откровенной беседы ее с Сергеем Александровичем выяснилось, что он тайно дал обет девства. По взаимному согласию брак их был духовным, они жили как брат с сестрой.

Вся семья сопровождала принцессу Елисавету на свадьбу в Россию. Вместо с ней приехала и двенадцатилетняя сестра Алиса, которая встретила здесь своего будущего супруга, цесаревича Николая Александровича.

Венчание состоялось в церкви Большого дворца Санкт-Петербурга по православному обряду, а после него и по протестантскому в одной из гостиных дворца. Великая княгиня напряженно занималась русским языком, желая глубже изучить культуру и особенно веру новой своей родины.

Великая княгиня Елисавета была ослепительно красива. В те времена говорили, что в Европе есть только две красавицы, и обе — Елисаветы: Елисавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елисавета Феодоровна.

Большую часть года великая княгиня жила с супругом в их имении Ильинское, в шестидесяти километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком, строго соблюдал все церковные каноны, посты часто ходил на службы, ездил в монастыри — великая княгиня везде следовала за мужем и простаивала долгие церковные службы. Здесь она испытывала удивительное чувство, так непохожее на то, что встречала в протестантской кирке. Она видела радостное состояние Сергея Александровича после принятия им Святых Таин Христовых и ей самой так захотелось подойти к Святой Чаше, чтобы разделить эту радость. Елисавета Феодоровна стала просить мужа достать ей книги духовного содержания, православный катехизис, толкование Писания, чтобы умом и сердцем постичь, какая же религия истинна.

В 1888 году император Александр III поручил Сергею Александровичу быть его представителем на освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсимании, построенного на Святой Земле в память их матери императрицы Марии Александровны. Сергей Александрович уже был на Святой Земле в 1881 году, где участвовал в основании Православного Палестинского Общества, став председателем его. Это общество изыскивало средства для помощи Русской Миссии в Палестине и паломникам, расширения миссионерской работы, приобретения земель и памятников, связанных с жизнью Спасителя.

Узнав о возможности посетить Святую Землю, Елисавета Феодоровна восприняла это как Промысл Божий и молилась о том, чтобы у Гроба Господня Спаситель Сам открыл ей Свою волю.

Великий князь Сергей Александрович с супругой прибыл в Палестину в октябре 1888 года. Храм святой Марии Магдалины был построен в Гефсиманском саду, у подножия

Елеонской горы. Этот пятиглавый храм с золотыми куполами и до сего дня — один из красивейших храмов Иерусалима. На вершине Елеонской горы высилась огромная колокольня, прозванная «русской свечой». Увидев эту красоту и благодать, великая княгиня сказала: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено исполниться. В дар храму святой Марии Магдалины Елисавета Феодоровна привезла драгоценные сосуды, Евангелие и воздухи.

После посещения Святой Земли великая княгиня Елисавета Феодоровна твердо решила перейти в православие. От этого шага ее удерживал страх причинить боль своим родным, и прежде всего, отцу. Наконец, 1 января 1891 года она написала отцу письмо о своем решении.

Это письмо показывает, какой путь прошла Елисавета Феодоровна. Мы приведем его почти полностью:

«... А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение. Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз — более полутора лет назад. Я все время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг, и что надо быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставляю Вам боль. Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа? Вы знаете меня так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что пред Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто — оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это бы было, и как я могу лгать всем — притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии здесь. Я думала и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более 6 лет, и зная, что религия «найдена». Я так сильно желаю на Пасху причаститься Св. Тайн вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне это не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».

Отец не послал дочери желаемой телеграммы с благословением, а написал письмо, в котором говорил что решение ее приносит ему боль и страдание, и он не может дать благословения. Тогда Елисавета Феодоровна проявила мужество и, несмотря на моральные страдания твердо решила перейти в православие. Еще несколько отрывков из ее писем близким:

«... Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе — это было бы грехом; я лгала все это время, оставаясь для всех в моей старой вере ... Это было бы невозможным для меня продолжать жить так, как я раньше жила ...

... Даже по-славянски я понимаю почти все, никогда не уча его. Библия есть и на славянском и на русском языке, но на последнем легче читать.

... Ты говоришь ... что внешний блеск церкви очаровал меня. В этом ты ошибаешься. Ничто внешнее не привлекает меня и не богослужение — но основа веры. Внешние признаки только напоминают мне о внутреннем...

... Я перехожу из чистого убеждения; чувствую, что это самая высокая религия, и что я сделаю это с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение».

13 (25) апреля, в Лазареву субботу, было совершено таинство Миропомазания великой княгини Елисаветы Феодоровны с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елисаветы — матери святого Иоанна Предтечи, память которой Православная церковь совершает 5 (18) сентября. После Миропомазания император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, которую Елисавета Феодоровна свято чтит всю жизнь. Теперь она могла сказать своему супругу словами Библии: «Твой народ стал моим народом, Твой Бог — моим богом! (Руфь, 1.16).

В 1891 году император Александр III назначил великого князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором. Супруга генерал-губернатора должна была исполнять множество обязанностей — шли постоянные приемы, концерты, балы. Необходимо было улыбаться и кланяться гостям, танцевать и вести беседы независимо от настроения, состояния здоровья и желания. После переезда в Москву Елисавета Феодоровна пережила смерть близких людей: горячо любимой невестки принцессы — Александры (жены Павла Александровича) и отца. Это была пора ее душевного и духовного роста.

Жители Москвы скоро оценили ее милосердное сердце. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для беспризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.

После смерти отца она с Сергеем Александровичем поехала по Волге, с остановками в Ярославле, Ростове, Угличе. Во всех этих городах супруги молились в местных храмах.

В 1894 году, после многих препятствий состоялось решение о помолвке великой княгини Алисы с наследником Российского престола Николаем Александровичем. Елисавета Феодоровна радовалась тому, что молодые влюбленные смогут, наконец, соединиться, и ее сестра будет жить в дорогой ее сердцу России. Принцессе Алисе было 22 года и Елисавета Феодоровна надеялась, что сестра, живя в России, поймет и полюбит русский народ, овладеет русским языком в совершенстве и сможет подготовиться к высокому служению императрицы Российской.

Но все случилось по-иному. Невеста наследника прибыла в Россию, когда император Александр III лежал в предсмертной болезни. 20 октября 1894 года император скончался. На следующий день принцесса Алиса перешла в православие с именем Александры. Бракосочетание императора Николая II и Александры Феодоровны состоялось через неделю после похорон, а весной 1896 года состоялось коронавание в Москве. Торжества омрачились страшным бедствием: на Ходыньском поле, где раздавались подарки народу, началась давка — тысячи людей были ранены или задавлены.

Так началось это трагическое царствование — среди панихид и погребальных воспоминаний.

В июле 1903 года состоялось торжественное прославление преподобного Серафима Саровского. В Саров прибыла вся императорская семья. Императрица Александра Феодоровна молилась преподобному о даровании ей сына. Когда наследник престола родился, по желанию императорской четы престол нижней церкви, построенной в Царском Селе, был освящен во имя преподобного Серафима Саровского.

В Саров приехала и Елисавета Феодоровна с супругом. В письме из Сарова она пишет: « ... Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелялись. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать ...»

Когда началась русско-японская война, Елисавета Феодоровна немедленно занялась организацией помощи фронту. Одним из ее замечательных начинаний было устройство мастерских для помощи солдатам — под них были заняты все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного. Тысячи женщин трудились над швейными машинами и рабочими столами. Огромные пожертвования поступали со всей Москвы и из провинции. Отсюда шли на фронт тюки с продовольствием, обмундированием, медикаментами и подарками для солдат. Великая княгиня отправляла на фронт походные церкви с иконами и всем необходимым для совершения богослужения. Лично от себя посылала Евангелия, иконки и молитвенники. На свои средства великая княгиня сформировала несколько санитарных поездов.

В Москве она устроила госпиталь для раненых, создала специальные комитеты по обеспечению вдов и сирот погибших на фронте. Но русские войска терпели одно поражение за другим. Война показала техническую и военную неподготовленность России, недостатки государственного управления. Началось сведение счетов за былые обиды произвола или несправедливости, небывалый размах террористических актов, митинги, забастовки. Государственный и общественный порядок разваливался, надвигалась революция.

Сергей Александрович считал, что необходимо принять более жесткие меры по отношению к революционерам и доложил об этом императору, сказав, что при сложившейся ситуации не может больше занимать должность генерал-губернатора Москвы. Государь принял отставку и супруги покинули губернаторский дом, переехав временно в Нескучное.

Том временем боевая организация эсеров приговорила великого князя Сергея Александровича к смерти. Ее агенты следили за ним, выжидая удобного случая, чтобы совершить казнь. Елисавета Феодоровна знала, что супругу угрожает смертельная опасность. В анонимных письмах ее предупреждали, чтобы она не сопровождала своего мужа, если не хочет разделить его участь. Великая княгиня тем более старалась не оставлять его одного и, по возможности, повсюду сопровождала супруга.

5 (18) февраля 1905 года Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым. Когда Елисавета Феодоровна прибыла к месту взрыва, там уже собралась толпа. Кто-то попытался помешать ей подойти к останкам супруга, но она своими руками собрала на носилки разбросанные взрывом куски тела мужа. После первой панихиды в Чудовом монастыре Елисавета Феодоровна возвратилась во дворец, переделалась в черное траурное платье и начала писать телеграммы, и прежде всего — сестре Александре Феодоровне, прося ее не приезжать на похороны, т.к. террористы могли использовать их для покушения на императорскую чету. Когда великая княгиня писала телеграммы, она несколько раз справлялась о состоянии раненного кучера Сергея Александровича. Ей сказали, что положение кучера безнадежно и он может скоро умереть. Чтобы не огорчить умирающего, Елисавета Феодоровна сняла с себя траурное платье, надела то же самое голубое, в котором была до этого, и поехала в госпиталь. Там, склонившись над постелью умирающего, она, пересилив себя, улыбнулась ему ласково и сказала: «Он направил меня к вам». Успокоенный ее словами, думая, что Сергей Александрович жив, преданный кучер Ефим скончался в ту же ночь.

На третий день после смерти мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму, где содержался убийца. Каляев сказал: «Я не хотел убивать вас, я видел его несколько раз и то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть».

- «И вы не сообразили того, что вы убили меня вместе с ним?» — ответила она. Далее она сказала, что принесла прощение от Сергея Александровича и просила его покаяться. Но

он отказался. Все же Елисавета Феодоровна оставила в камере Евангелие и маленькую иконку, надеясь на чудо. Выходя из тюрьмы, она сказала: «Моя попытка оказалась безрезультатной, хотя, кто знает, возможно, что в последнюю минуту он осознает свой грех и раскается в нем». Великая княгиня просила императора Николая II о помиловании Каляева, но это прошение было отклонено.

Из великих князей на погребении присутствовали только Константин Константинович (К.Р.) и Павел Александрович. Погребли его в маленькой церкви Чудова монастыря, где ежедневно в течении сорока дней совершались заупокойные панихиды; великая княгиня присутствовала на каждой службе и часто приходила сюда ночью, молясь о новопреставленном. Здесь она почувствовала благодатную помощь и укрепление от святых мощей святителя Алексия, митрополита Московского, которого с тех пор особо почитала. Великая Княгиня носила серебряный крестик с частицей мощей святителя Алексия. Она считала, что святитель Алексей вложил в ее сердце желание посвятить Богу всю оставшуюся жизнь.

На место убийства мужа Елисавета Феодоровна воздвигла памятник — крест по проекту художника Васнецова. На памятнике были написаны слова Спасителя со Креста: «Отче, отпусти им, не введут бо что творят».

С момента кончины супруга Елисавета Феодоровна не снимала траур, стала держать строгий пост, много молилась. Ее спальня в Николаевском дворце стала напоминать монашескую келью. Вся роскошная мебель была вынесена, стены перекрашены в белый цвет, на них находились только иконы и картины духовного содержания. На светских приемах она не появлялась. Бывала только в храме на бракосочетаниях или крестинах родственников и друзей и сразу уходила домой или по делам. Теперь ее ничто не связывало со светской жизнью.

Она собрала все свои драгоценности, часть отдала казне, часть — родственникам, а остальное решила употребить на постройку обители милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елисавета Феодоровна приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом. В самом большом двухэтажном доме расположились столовая для сестер, кухня и другие хозяйственные помещения, во втором — церковь и больница, рядом — аптека и амбулатория для приходящих больных. В четвертом доме находилась квартира для священника — духовника обители, классы школы для девочек приюта и библиотека.

10 февраля 1909 года великая княгиня, собрала 17 сестер основанной ею обители, сняла траурное платье, облачилась в монашеское одеяние и сказала: «Я оставлю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — в мир бедных и страдающих».

Первый храм обители («больничный») был освящен епископом Трифоном 9 (21) сентября 1909 г. (в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы) во имя святых жен-мироносиц Марфы и Марии. Второй храм — в честь Покрова Пресвятой Богородицы, освящен в 1911 году (архитектор А.В. Щусев, росписи М.В. Нестерова). Построенный по образцам новгородско-псковского зодчества, он сохранял теплоту и уют небольших приходских церквей. Но, тем не менее, был рассчитан на присутствие более тысячи молящихся. М.В. Нестеров сказал об этом храме: «Храм Покрова — лучший из современных сооружений Москвы, могущий при иных условиях иметь помимо прямого назначения для прихода, назначение художественно-воспитательное для всей Москвы». В 1914 году под храмом была устроена церковь — усыпальница во имя Сил Небесных и Всех Святых, которую настоятельница предполагала сделать местом своего упокоения. Роспись усыпальницы сделал П.Д. Корин, ученик М.В. Нестерова.

Знаменательно посвящение созданной обители святым женам-мироносицам Марфе и Марии. Обитель должна была стать как бы домом святого Лазаря — друга Божия, в котором так часто бывал Спаситель. Сестры обители призывались соединить высокий жребий Марии, внемлющей глаголам вечной жизни, и служение Марфы — служение Господу через ближнего своего.

В основу Марфо-Мариинской обители милосердия был положен устав монастырского общежития. 9 (22) апреля 1910 года в церкви святых Марфы и Марии епископ Трифон (Туркестанов) посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия 17 сестер обители во главе с великой княгиней Елисаветой Феодоровной. Во время торжественной службы епископ Трифон, обращаясь к уже облаченной в монашеское одеяние великой княгине, сказал: «Эта одежда скроет Вас от мира, и мир будет скрыт от Вас, но она в то же время будет свидетельницей Вашей благотворной деятельности, которая воссияет пред Господом во славу Его». Слова владыки Трифона сбылись. Озаренная благодатию Духа Святого деятельность великой княгини осветила огнем Божественной любви предреволюционные годы России и привела основательницу Марфо-Мариинской обители к мученическому венцу вместе с ее келейницей инокиней Варварой Яковлевой.

День в Марфо-Мариинской обители начинался и 6 часов утра. После общего утреннего молитвенного правила в больничном храме великая княгиня давала послушания сестрам на предстоящий день. Свободные от послушания оставались в храме, где начиналась Божественная Литургия. Дневная трапеза проходила с чтением житий святых. В 5 часов вечера в церкви служили вечерню с утреней, где присутствовали все свободные от послушания сестры. Под праздники и воскресение совершалось всенощное бдение. В 9 часов вечера в больничном храме читалось вечернее правило, после него все сестры, получив благословение настоятельницы, расходились по кельям. Четыре раза в неделю за вечерней читались акафисты: в воскресенье — Спасителю, в понедельник — архангелу Михаилу и всем Бесплотным Небесным Силам, в среду — святым женам-мироносицам Марфе и Марии, и в пятницу — Божией Матери или Страстям Христовым. В часовне, сооруженной в конце сада, читалась Псалтирь по покойникам. Часто ночами молилась там сама настоятельница. Внутренней жизнью сестер руководил замечательный священник и пастырь — духовник обители, протоирей Митрофан Серебрянский. Дважды в неделю он проводил беседы с сестрами. Кроме того, сестры могли ежедневно в определенные часы приходить за советом и наставлением к духовнику или к настоятельнице. Великая княгиня вместе с отцом Митрофаном учила сестер не только медицинским знаниям, но и духовному наставлению опустившихся, заблудших и отчаявшихся людей. Каждое воскресенье после вечерней службы в соборе Покрова Божией Матери устраивались беседы для народа с общим пением молитв.

«На всей внешней обстановке обители и самом ее внутреннем быте, и на всех вообще созданиях великой княгини, лежал отпечаток изящества и культурности не потому, что она придавала этому какое-либо самодовлеющее значение, но потому, что таково было произвольное действие ее творческого духа», — пишет в своих воспоминаниях митрополит Анастасий.

Богослужение в обители всегда стояло на блистательной высоте благодаря исключительным по своим пастырским достоинствам духовнику, избранному настоятельницей. Сюда приходили для совершения богослужений и проповедования лучшие пастыри и проповедники не только Москвы, но и многих отдаленных мест России. Как пчела собирала настоятельница нектар со всех цветов, чтобы люди ощутили особый аромат духовности. Обитель, ее храмы и богослужение вызывали восхищение современников. Этому способствовали не только храмы обители, но и прекрасный парк с оранжереями — в лучших традициях садового искусства XVIII — XIX века. Это был единый ансамбль, соединявший гармонично внешнюю и внутреннюю красоту.

Современница великой княгини — Нонна Грэйтон, фрейлина ее родственницы принцессы Виктории, свидетельствует: «Она обладала замечательным качеством — видеть хорошее и настоящее в людях, и старалась это выявлять. Она также совсем не имела высокого мнения о своих качествах ... У нее никогда не было слов «не могу», и никогда ничего не было унылого в жизни Марфо-Мариинской обители. Все было там совершенно как внутри, так и снаружи. И кто бывал там, уносил прекрасное чувство».

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня вела жизнь подвижницы. Спала на деревянной кровати без матраца. Строго соблюдала посты, вкушая только растительную пищу. Утром вставала на молитву, после чего распределяла послушания сестрам, работала в клинике, принимала посетителей, разбирала прошения и письма.

Вечером, — обход больных, заканчивающийся за полночь. Ночью она молилась в молельне или в церкви, ее сон редко продолжался более трех часов. Когда больной метался и нуждался в помощи, она просиживала у его постели до рассвета. В больнице Елисавета Феодоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, находила слова утешения, стремилась облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции.

В качестве главного средства от недугов настоятельница всегда предлагала исповедь и причастие. Она говорила: «Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность».

Сестры обители проходили курс обучения медицинским знаниям. Главной их задачей было посещение больных, бедных, брошенных детей, оказание им медицинской, материальной и моральной помощи.

В больнице обители работали лучшие специалисты Москвы, все операции проводились бесплатно. Здесь исцелялись те, от кого отказывались врачи.

Исцеленные пациенты плакали, уходя из Марфо-Мариинской больницы, расставаясь с «великой матушкой», как они называли настоятельницу. При обители работала воскресная школа для работниц фабрики. Любой желающий мог пользоваться фондами прекрасной библиотеки. Действовала бесплатная столовая для бедных.

Настоятельница Марфо-Мариинской обители считала, что главное все же не больница, а помощь бедным и нуждающимся. Обитель получала до 12000 прошений в год. О чем только ни просили: устроить на лечение, найти работу, присмотреть за детьми, ухаживать за лежачими больными, отправить на учебу за границу.

Она находила возможности для помощи духовенству — давала средства на нужды бедных сельских приходов, которые не могли отремонтировать храм или построить новый. Она ободряла, укрепляла, помогала материально священникам — миссионерам, трудившимся среди язычников крайнего севера или инородцев окраин России.

Одним из главных мест бедности, которому великая княгиня уделяла особое внимание, был Хитров рынок. Елисавета Феодоровна в сопровождении своей келейницы Варвары Яковлевой или сестры обители княжны Марии Оболенской, неумоимо переходя от одного притона к другому, собирала сирот и уговаривала родителей отдать ей на воспитание детей. Все население Хитрова уважало ее, называя «сестрой Елисаветой» или «матушкой». Полиция постоянно предупреждала ее, что не в состоянии гарантировать ей безопасность.

В ответ на это великая княгиня всегда благодарила полицию за заботу и говорила, что ее жизнь не в их руках, а в руках Божиих. Она старалась спасти детей Хитровки. Ее не пугали нечистота, брань, потерявший человеческий облик лица. Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено».

Мальчиков, вырванных из Хитровки, она устраивала в общежития. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных посыльных Москвы. Девочек устраивала в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем, духовным и физическим.

Елисавета Феодоровна организовала дома призрения для сирот, инвалидов, тяжело больных, находила время для посещения их, постоянно поддерживала материально, привозила подарки. Рассказывают такой случай: однажды великая княгиня должна была приехать в приют для маленьких сирот. Все готовились достойно встретить свою благодетельницу. Девочкам сказали, что приедет великая княгиня: нужно будет поздороваться с ней и поцеловать ручки. Когда Елисавета Феодоровна приехала — ее встретили малютки в белых платьицах. Они дружно поздоровались и все протянули свои

ручки великой княгине со словами: «целуйте ручки». Воспитательницы ужаснулись: что же будет. Но великая княгиня подошла к каждой из девочек и всем поцеловала ручки. Плакали при этом все — такое умиление и благоговение было на лицах и в сердцах.

«Великая матушка» надеялась, что созданная ею Марфо-Мариинская обитель Милосердия расцветет большим плодоносным деревом.

Со временем она собиралась устроить отделения обители и в других городах России.

Великой княгине была присуща исконно русская любовь к паломничеству.

Не раз ездила она в Саров и с радостью спешила в храм, чтобы помолиться у раки преподобного Серафима. Ездила она во Псков, в Оптину пустынь, в Зосимову пустынь, была в Соловецком монастыре. Посещала и самые маленькие монастыри в захолустных и отдаленных местах России. Присутствовала на всех духовных торжествах, связанных с открытием или перенесением мощей угодников Божиих. Больным паломникам, ожидавшим исцеления от новопрославляемых святых, великая княгиня тайно помогала, ухаживала за ними. В 1914 году она посетила монастырь в Алапаевске, которому суждено было стать местом ее заточения и мученической смерти.

Она была покровительницей русских паломников, отправлявшихся в Иерусалим. Через общества организованные ею, покрывалась стоимость билетов паломников, плывущих из Одессы в Яффу. Она построила также большую гостиницу в Иерусалиме.

Еще одно славное деяние великой княгини — постройка русского православного храма в Италии, в городе Бари, где покоятся мощи святителя Николая Мир Ликийского. В 1914 году был освящен нижний храм в честь святителя Николая и странноприимный дом.

В годы первой мировой войны трудов у великой княгини прибавилось: необходимо было ухаживать за ранеными в лазаретах. Часть сестер обители была отпущена для работы в полевом госпитале. Первое время Елисавета Феодоровна, побуждаемая христианским чувством, навещала и пленных немцев, но клевета о тайной поддержке противника заставила ее отказаться от этого.

В 1916 году к воротам обители подошла разъяренная толпа с требованием выдать германского шпиона — брата Елисаветы Феодоровны, якобы скрывавшегося в обители. Настоятельница вышла к толпе одна и предложила осмотреть все помещения общины. Господь не допустил погибнуть ей в этот день. Конный отряд полиции разогнал толпу.

Вскоре после Февральской революции к обители снова подошла толпа с винтовками, красными флагами и бантами. Сама настоятельница открыла ворота — ей объявили, что приехали, чтобы арестовать ее и предать суду как немецкую шпионку, к тому же хранящую в монастыре оружие.

На требование пришедших немедленно ехать с ними, великая княгиня сказала, что должна сделать распоряжения и проститься с сестрами. Настоятельница собрала всех сестер в обители и попросила отца Митрофана служить молебен. Потом, обратясь к революционерам, пригласила войти их в церковь, но оставить оружие у входа. Они нехотя сняли винтовки и последовали в храм.

Весь молебен Елисавета Феодоровна простояла на коленях. После окончания службы она сказала, что отец Митрофан покажет им все постройки обители, и они могут искать то, что хотят найти. Конечно, ничего там не нашли, кроме келий сестер и госпиталя с больными. После ухода толпы Елисавета Феодоровна сказала сестрам: «Очевидно мы недостойны еще мученического венца».

Весной 1917 года к ней приехал шведский министр по поручению кайзера Вильгельма и предложил ей помощь в выезде за границу. Елисавета Феодоровна ответила, что решила разделить судьбу страны, которую считает своей новой родиной и не может оставить сестер обители в это трудное время.

Никогда не было за богослужением в обители столько народа как перед октябрьским переворотом. Шли не только за тарелкой супа или медицинской помощью, сколько за утешением и советом «великой матушки». Елисавета Феодоровна всех принимала, выслушивала, укрепляла. Люди уходили от нее умиротворенными и ободренными.

Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Напротив, сестрам оказывали уважение, два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с продовольствием: черный хлеб, вяленая рыба, овощи, немного жиров и сахара. Из медикаментов выдавали в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.

Но все вокруг были напуганы, покровители и состоятельные дарители теперь боялись оказывать помощь обители. Великая княгиня во избежание провокации не выходила за ворота, сестрам также было запрещено выходить на улицу. Однако установленный распорядок дня обители не менялся, только длиннее стали службы, горячее молитва сестер. Отец Митрофан каждый день служил в переполненной церкви Божественную Литургию, было много причастников. Некоторое время в обители находилась чудотворная икона Божией Матери Державная, обретенная в подмосковном селе Коломенском в день отречения императора Николая II от престола. Перед иконой совершались соборные моления.

После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елисаветы Феодоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с великой княгиней, но она не приняла его и категорически отказалась уехать из России. Она говорила: «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!»

Спокойствие в обители было затишьем перед бурей. Сначала прислали анкеты — опросные листы для тех, кто проживал и находился на лечении: имя, фамилия, возраст, социальное происхождение и т.д. После этого были арестованы несколько человек из больницы. Затем объявили, что сирот переведут в детский дом. В апреле 1918 года, на третий день Пасхи, когда Церковь празднует память Иверской иконы Божией Матери, Елисавету Феодоровну арестовали и немедленно вывезли из Москвы. В этот день святейший патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил Божественную Литургию и молебен. После службы патриарх до четырех часов дня находился в обители, беседовал с настоятельницей и сестрами. Это было последней благословение и напутствие главы Российской Православной Церкви перед крестным путем великой княгини на Голгофу.

Почти сразу после отъезда патриарха Тихона к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами-латышами. Елисавете Феодоровне приказали ехать с ними. На сборы дали полчаса. Настоятельница успела лишь собрать сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им последнее благословение. Плакали все присутствующие, зная, что видят свою мать и настоятельницу в последний раз. Елисавета Феодоровна благодарила сестер за самоотверженность и верность и просила отца Митрофана не оставлять обители и служить в ней до тех пор, пока это будет возможным.

С великой княгиней поехали две сестры — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Перед тем, как сесть в машину, настоятельница осенила всех крестным знаменем.

Узнав о случившемся, патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения великой княгини. Но старания его оказались тщетными. Все члены императорского дома были обречены.

Елисавету Феодоровну и ее спутниц направили по железной дороге в Пермь.

Последние месяцы своей жизни великая княгиня провела в заключении, в школе, на окраине города Алапаевска, вместе с великим князем Сергеем Михайловичем (младшим сыном великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II), его секретарем — Феодором Михайловичем Ремезом, тремя братьями — Иоанном, Константином и Игорем (сыновьями великого князя Константина Константиновича) и князем Владимиром Палеем (сыном великого князя Павла Александровича). Конец был близок. Матушка-настоятельница готовилась к этому исходу, посвящая все время молитве.

Сестер, сопровождающих свою настоятельницу, привезли в Областной совет и предложили отпустить на свободу. Обе умоляли вернуть их к великой княгине, тогда

чекисты стали пугать их пытками и мучениями, которые предстоят всем, кто останется с ней. Варвара Яковлева сказала, что готова дать подписку даже своей кровью, что желает разделить судьбу с великой княгиней. Так крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева сделала свой выбор и присоединилась к узникам, ожидавшим решения своей участи.

Глубокой ночью 5 (18) июля 1918 г., в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, великую княгиню Елисавету Феодоровну вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. Когда озверевшие палачи сталкивали великую княгиню в черную яму, она произносила молитву, дарованную Распятым на Кресте Спасителем мира: «Господи, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23. 34). Затем чекисты начали бросать в шахту ручные гранаты. Один из крестьян, бывший свидетелем убийства, говорил, что из глубины шахты слышалось пение Херувимской. Ее пели новомученики Российские перед переходом в вечность. Скончались они в страшных страданиях, от жажды, голода и ран.

Великая княгиня упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело Иоанна Константиновича с перевязанной головой. Вся переломанная, с сильнейшими ушибами, она и здесь стремилась облегчить страдания ближнего. Пальцы правой руки великой княгини и инокини Варвары оказались сложенными для крестного знамения.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании.

В 1931 году, накануне канонизации новомучеников российских Русской Православной Церковью за границей, их гробницы решили вскрыть. Вскрытие производила в Иерусалиме комиссия во главе с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонием (Граббе). Гробницы новомучениц поставили на амвон перед Царскими воротами. По промыслу Божию случилось так, что архимандрит Антоний остался один у запаянных гробов. Неожиданно гроб великой княгини Елисаветы открылся. Она встала и подошла к отцу Антонию за благословением. Потрясенный отец Антоний дал благословение, после чего новомученица вернулась в свой гроб, не оставив никаких следов. Когда открыли гроб с телом великой княгини, то помещение наполнилось благоуханием. По словам архимандрита Антония, чувствовался «сильный запах как бы меда и жасмина». Мощи новомучениц оказались частично нетленными.

Патриарх Иерусалимский Диодор благословил совершить торжественное перенесение мощей новомучениц из усыпальницы, где они до этого находились, в самый храм святой Марии Магдалины. Назначили день 2 мая 1982 г. — праздник святых Жен Мироносиц. В этот день за богослужением употреблялись Святая Чаша, Евангелие и воздухи, преподнесенные храму самой великой княгиней Елисаветой Феодоровной, когда она была здесь в 1886 году.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил к лику святых новомучеников России преподобномученицу великую княгиню Елисавету и инокиню Варвару, установив им празднование в день кончины — 5 (18) июля.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-elisaveta-feodorovna>

Тропарь преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, глас 1

Смирением достоинство княжеское сокрывши, богомудрая Елисавето, сугубым служением Марфы и Марии Христа почтила еси. Милосердием, терпением и любовью себе предочистивши, яко жертва праведная Богу принеслася еси. Мы же, чтуще добродетельное житие и страдания твоя, яко истинную наставницу усердно просим тя: святая мученице великая княгине Елисавето, моли Христа Бога спасти и просветити души наша.

Кондак преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, глас 2

Величие подвига веры кто повесть? Во глубине земли, яко в раи светлости, страстотерпица великая княгиня Елисавета со ангелы во псалмех и пениих радовашеся и, убиение претерпеваючи, о безбожных мучителех взываше: Господи, прости им грех сей, не ведят бо, что творят. Тоя молитвами, Христе Боже, помилуй и спаси души наша.

Святая преподобномученица Варвара

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

11 февраля - Собор Екатеринбургских святых

18 июля

7 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

Инокня Варвара (Яковлева) была одной из первых сестёр Марфо-Мариинской обители милосердия и келейницей великой княгини Елисаветы Феодоровны. Отличалась кротостью, трудолюбием и глубокой верой. После ареста княгини-настоятельницы в 1918 г. добровольно последовала за ней в ссылку, несмотря на возможность избежать гибели. 5 (18) июля 1918 г. была сброшена в шахту под Алапаевском вместе с Елисаветой Феодоровной и другими мучениками. Перед смертью молилась и пела церковные песнопения.

Крестовая сестра Марфо-Мариинской обители милосердия, Варвара Яковлева, одной из первых пошла по стопам великой княгини и стала служить ближним и основанной Елисаветой Феодоровной обители. Она была келейницей настоятельницы и одной из самых близких сестер. Но этим не гордилась, оставаясь ласковой и доступной для всех. Близкие Елисаветы Феодоровны хорошо знали ее и называли Варей.

Откуда, и из какой среды пришла в обитель сестра Варвара — нам неизвестно. За своей матушкой-настоятельницей она добровольно пошла на страдание и смерть, исполнив завет Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 5.13).

Все алапаевские узники знали, что их ожидает в недалеком будущем. Они сознательно готовились к смерти и молили Господа укрепить их в исповедническом подвиге. 5 (18) июля 1918 г. инокня Варвара была сброшена в шахту старого рудника вместе с Елисаветой Феодоровной и другими членами императорского дома. Преподобномученица инокня Варвара совершила свой подвиг в возрасте тридцати пяти лет.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-varvara-jakovleva-alapaevskaja>

Ин кондак преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны, глас 5

От славы царственныя, взявши Крест Христов, прешла еси к славе небесней, молящи врагов, и обрела еси радость вечную, святая мученице княгине Елисавето, с Варварою мученицею. Темже молим вас: молитесь о душах наших.